

**О Германе Васильевиче Кузнецове.
Закон моей жизни — стремление
к лучшему и прекрасному**

г. Москва

О Германе Васильевиче Кузнецове. Закон моей жизни — стремление к лучшему и прекрасному. — М.: ООО «Буки Веди», 2025. — 144 с., илл.

Содержание

Глава 1. Закон моей жизни – стремление к лучшему и прекрасному.

Герман Васильевич Кузнецов(из дневника)	4
Краткая автобиография	4
Неполноценно проведенное время в моей жизни 1955-1965гг.	18
Время бежит	22

Глава 2. Из вьетнамских дневников Германа Васильевича Кузнецова и

Татьяны Николаевны Филатовой	40
2.1 Один день из экспедиционной жизни в тропиках Вьетнама Г.В. Кузнецов, Т.Н. Филатова	40
2.2 Афзелия Г.В. Кузнецов, Т.Н. Филатова	58

Глава 3. О Германе Васильевиче Кузнецове от друзей, близких и родных

3.1 Герман Васильевич Кузнецов Александр Карэнович АГАДЖАНЯН, д.б.н., про- фессор, г.н.с. лаб. Млекопитающих Палеонтологический институт им. А.А.Борисяка РАН	76
3.2 Памяти Германа Васильевича Кузнецова (1.09.1940 – 1.05.2022). Владимир Бобров	95
3.3 Баскевич Марина Ивановна. Памяти Германа Васильевича Кузнецова	105
3.4 Андрей Зиновьев. Человек необыкновенного такта	108
3.5 Булатова Нина Шамильевна. Привержен классике	111
3.6 Людмила Георгиевна Емельянова. О Германе Васильевиче Кузнецове – замечательном человеке.	112
3.7 Екатерина Николаевна Харитонова о Германе Васильевиче	113
3.8 Воспоминания Филиной Нины Александровны и Филиной Галины Вячеславовны о своих друзьях: Кузнецове Германе Васильевиче и Филатовой Татьяне Николаевне	103
3.9 Воспоминания Назарова Сергея	128
3.10 Дмитрий Кузнецов	129
3.11 Степа о деде Гере.	129
3.12 О Кузнецове Германе Васильевиче. Александр Собачкин	131
3.13 Папа. Светлана Филатова	132
3.14 В кругу семьи	135

Глава 1

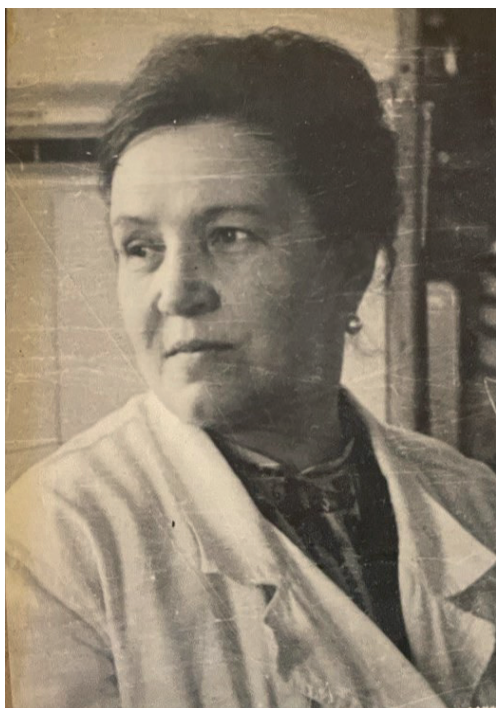
**Закон моей жизни — стремление
к лучшему и прекрасному.
Герман Васильевич Кузнецов (из дневника).
Краткая автобиография.**

Родился (2) 1 сентября 1940 года в г.Москве, где жил до 1941г. и ввиду ВОВ, родителям вместе со мной пришлось эвакуироваться в г. Казань, откуда в 194.. в Казахстан (Боровое), и находились там до 194...года.

*Мой отец Василий Никкель (справа), его брат (слева),
а в центре бабушка Анна Ивановна, 1934 год*

Моя мать Кузнецова Нина Александровна

Из Борового переехали в Рязанскую область (с. Ижевское), где я прожил до 1956г., окончив 8 классов средней школы. Начальную школу (4 класса) окончил на отлично, с похвальной грамотой. Начиная с 5 по 8 кл. (включительно) был средним учеником (отрицательное влияние среды, Стасик Ионкин-увлечение путешествиями).

У памятника К.Э. Циолковского
в селе Ижевское

Фото 2000 год, село Ижевское, Рязанская область

18.05.1975

Мое детство. Каким оно было? Каким я его помню? Ведь в эти детские годы формировался мой основной характер, какой он сейчас есть. То, что было упущено в то время, я в настоящем это осознаю и чувствую. Но анализ причин — это одно, а память о той эпохе, чувствах, событиях — это другое, непосредственное и неповторимое.

Теперь что я помню и с каких лет.

Годы или несколько месяцев, проведенных в эвакуации в Казани, я не помню совершенно.

Помню Боровое. Там находился мой отец на лечении, а мать со мной приезжала и жила некоторое время там. В этот период в Боровом жили крупнейшие ученые: Вернадский, Берг — были в эвакуации (это я, конечно, узнал после, в студенческие годы).

Хорошо помню ёлку (Новый Год...). Когда мой отец и бабушка ее нарядили и подготовили к празднику и сказали мне, что сейчас придет дед Мороз. И действительно вечером пришел настоящий дед Мороз в белой шубе, белой шапке, с палкой и бородой, с корзинкой с гостинцами. Я не мог оторвать глаз от него, так это было неожиданно и по-настоящему. Дед Мороз ходил вокруг елки, говорил что-то (не помню), дал мне подарки и ушел. (Дедом Морозом, как мне говорила после бабушка, был мой отец, но я совершенно верил, что это настоящий дед Мороз из леса). Этот праздник, его приподнятое настроение и атмосфера запечатлелись у меня на всю жизнь.

Ещё припоминаю о волках. Были ли это на самом деле волки — сказать сейчас не могу. Возможно, и собаки подходили. Во время войны в районе Борового, очевидно, число волков было больше, чем в настоящее время. И случай, который я помню, вполне мог быть реальностью. В 1942-43 годах подходили два пса. Кто они? Но в мой детский ум запечатлелась сцена — серых собак, снега и луны. На фоне лунного света виднелись черные сосны.

Нужно отметить, что до 15 лет я был болезненным парнем и лишь после, решив никогда больше не укутываться, мое здоровье несколько поправилось.

В 1954 году я познакомился с Виктором Захарцевым, который оказал определенное влияние на мое мировоззрение, заложив фундамент реальности. В 1956 году я переехал жить и учиться в город Москва. Здесь оказал на меня большое влияние мой друг Коля Судзиловский.

Когда мне было 9 лет, это было в 1949 году, я встретился с академиком Н.Д. Зелинским. Когда моя мама, представив меня, сказала, что

это ее сын, он ласково поздоровался со мной. Когда академик спросил меня, кем хочу быть — я ответил, что хочу быть академиком — он слегка улыбнулся и очень серьезно ответил: «Для этого нужно очень много читать книг. Читать и читать. Если будешь настойчивый, то добьешься этого».

3.05.1975

Развитие любой личности во многом зависит от влияния окружающей обстановки. Дело в том, что в детстве поучают, как правило, все взрослые. Однако доходит до сознания ребенка не все, а лишь то, что он всем сердцем и душой воспринял. Это, конечно, зависит от тактичности и умелости взрослого.

Я хорошо помню, когда мне было 9-11 лет, к нам в гости (в Ижевское) приехала Елизавета Тимофеевна Лагова (она была учительницей в с. Лакаш, ее муж — не помню, как звали, тоже был учителем в этом селе — это были высокой культуры люди и высокого нравственного долга). Вечером Елизавета Тимофеевна рассказывала об истории, географии... Я уже в то время грезил дальними странствиями по пустыням, лесам. Вот тогда-то она и рассказала мне о Пржевальском, о его детстве и воспитании, силе воли (о спартанском воспитании, и каким великим человеком он сделался). Это произвело на меня очень сильное впечатление, и тот образ Пржевальского, каким его представил я себе, так сохранился до сего времени.

С того самого дня я всегда мысленно думал о Пржевальском, когда ходил по лесам или пускался в путешествия.

Практически меня не воспитывали, так как я жил у бабушки (и после смерти дедушки в 1947 году), которая мало вникала в учение, да и не понимала, и я был предоставлен самому себе. Поэтому у меня не выработалась усидчивость (страдаю и сейчас, но меньше) и доводить дело до конца. И моим воспитателем в критические моменты был Пржевальский. Поэтому я с 11 лет пристрастился к собиранию книг (библиотеки), путешествиям. Однако учился средне, так как почти никогда не готовил уроки; просто не было привычки, а дома не напоминали, и если бабушка (Мария Федоровна Кузнецова) напоминала, то не могла узнать много ли у меня уроков.

Светлая память о Елизавете Тимофеевне у меня останется на всю жизнь, именно она заронила хорошее зерно в мою душу. Большое человеческое ей спасибо.

После этого я, к сожалению, ее больше не видел. Она умерла 1 апреля 1974 года в возрасте более 80 лет в с. Лакаш.

*Г.В. Кузнецов с мамой
(Кузнецовой Н.А.) и отчимом
(Пилипенко А.П.)*

В 1958 году окончил среднюю школу №200 города Москвы, по окончании которой подал документы на биолого-почвенный факультет МГУ. Но не поступил. И, вероятно, такая судьба, благодаря Славе Ермохину, с которым познакомился во время приемных экзаменов, я поехал работать в Алтайский заповедник, среда и дух, которого сыграли немаловажную роль в формировании моих взглядов

2008 год, 50 лет после окончания школы

В 1959 году, после соответствующей подготовки, я поступил на этот факультет.

Вы можете спросить, почему я подал документы именно на этот факультет? Ведь до этого я в большей мере занимался электротехникой и радиотехникой.

В пользу этих наук - БИОЛОГИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ГЕОЛОГИЯ я окончательно сделал вывод 1 июня 1958 года. По-видимому, главную роль в этом сыграла природа Мещеры, с ее лесами, лугами и болотами; сложила впечатление и оставила глубокий след в моем развитии. Большую роль также сыграл Алтайский заповедник, где я впервые на практике познакомился с полевой работой натуралиста. И, наконец, громадное влияние жизни А. Гумбольдта, Ч. Дарвина, Н.М. Пржевальского и В.Н. Вернадского, их работ, взглядов, и подходов к изучению природы Земли.

За период (1959-1964) обучения в МГУ был средним студентом (имею шесть оценок «3», остальные «4» и «5») - мой фундамент знаний школы, слабая работоспособность, нет организованности, увлечение путешествиями.

1960 год

«Я убежден: наши города засушивают и калечат души человека, а величие природы наполняет ее красотой, облагораживает»

Н.М. Пржевальский

«Скромность, еще раз скромность – лишь при этом условии я буду приближаться к моей заветной мечте - быть человеком!»

Г.В. Кузнецов

1961 год

Сегодня 12 апреля – день великого достижения человечества. Совершен запуск первого в мире космонавта. Это по истине ошеломляющий факт, еще раз подчеркивающий неостанавливающуюся поступь прогресса.

Но никогда не следует забывать о нашей Земле, с ее величайшими дарами природы, ее нужно изучать и изучать, чтобы еще полней стали природные связи.

«...Таких людей, как Пржевальский я люблю бесконечно... Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь Родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья, непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбия, привычки к зною, холоду, тоске по Родине, к изнурительным лихорадкам, их фактическая вера в цивилизацию и науку – делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу...»

А.П. Чехов

1962 год

«Жизнь каждого человека, можно сравнить с необследованным районом Земли, где нас могут встретить непроходимые леса, высочайшие горы, прекрасное и плохое – все это нужно учитывать, приступая к изучению жизни людей.

Надо помнить, что основные черты характера формируются под влиянием эколого-физиологических и социальных условий среды»

Г.В. Кузнецов

1 сентября 1965 года.

(первое сентября тысяча девятьсот шестьдесят пятого года)

С этого дня буду жить и трудиться, как этому меня учит жизнь и работа А. Гумбольдта, Н.М. Пржевальского и В.И. Вернадского, Ч. Дарвина. Клянусь идти по указанному ими пути к достижению моей цели жизни - узнать, понять и объяснить развитие органических существ и их возникновение, планетарные связи жизни, сферу времени и эволюцию организмов, ритм жизни в биосфере, ландшафты Земли и их роль в эволюции животных, развитие биосферы Земли, Космос, Вселенную, философию жизни и прогресса.

«Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день на бой за них идет!»

Гете

«Связи наук так тесны, что всем им, даже тем, которые считаются менее важными, следует быть прикрепленными к другим, как полип к скале.»

А. Гумбольдт.

«Природа раскрывает свои тайны и свою красоту только перед тем, кто способен понимать их.»

А. Гумбольдт

Большой Утриш под Новороссийском, 1965 год (Фото В. Попов)

«Поминая Герочку, просмотрел Наташины сканированные картинки и нашёл две.

Первая - Большой Утриш под Новороссийском, 1965 год. Гера подарил нам наш медовый месяц. Тогда мы таких слов и не знали. Просто позвал, и поехали.

Вторая - на Валдае, год, наверное, 1966-67. Мы ему в экспедиции помогали, ну и отдыхали, конечно, в Валдайке купались, а озеро! черника, грибы! Воспоминаний много, всё не напишешь.

Замечательный был человек, настоящий учёный-полевик старой закалки.

Труженик и интеллигент. Теперь таких уже нет.

Вечная ему память. Пусть земля ему будет пухом».

Сева Попов.

Валдай 1966 год (Фото В. Попов)

Проанализировав свою работу в МГУ, МОИП и экспедициях (Мещера, Алтай, Кавказ, Тянь-Шань, Б.Балхан, Дальний Восток, Коми АССР, Репетек, Черное море), я пришел к выводу, что недостаточно работал над собой, часто проявлял безволие и неспособность.

Следуя строго З.М.Ж. (Закону моей жизни), это сложившееся положение в жизни и в науке я должен изменить в корне.

Лишь точно выполняя новое направление жизни, я смогу приблизиться к моей цели жизни и к моим идеалам. Без стремления к идеям познания жизни, прогресса, мира и космоса смысл жизни теряется.

Так буду же стремиться к ним!

**Неполноценно проведенное время в моей жизни
1955-1965гг.**

Критический анализ характера и здоровья.

Главные отрицательные черты:

А.

1. Лень.
2. Недостаточно развиты: точность, твердость, внимательность, наблюдательность, решимость, воля и смелость.
3. Есть бахвальство.
4. Не развита речь.
5. Плохая организованность.

В.

Еще нужно указать на не совсем хорошее здоровье:

1. Фурункулез
2. Ревматизм (ноги)
3. Ослабленное *cor*
4. Малый объем легких. *Pulmo* не в *N*.
5. Не совсем нормальное функционирование *Nepar* и *ren*
6. Зрение и слух не в *N* ($l-l d$, $p+2d$)
7. Сухой плеврит (был) - плевро + диафрагма срослись - ограничение легких.
8. Наследственность не очень хорошая. О-туб. Предрасположенность к туберкулезу.
9. Головные боли (при кружении, полетах, качке)
10. Общая слабость (апатия, в суставах слабость)

Из вышеизложенного видно, как мне нужно усердно работать над собой.

С этими недостатками (А) я буду бороться ежедневно и ежечасно. Что касается группы В, то необходимо выполнять следующие основные требования:

1. Сон-7(8) часов
2. Зарядка ежедневная (система Миллера).
3. Тщательный уход за полостью рта, зубами, горлом и ногами.
4. Гигиена внутренних органов (вода, ритм питания)
5. Обливание (купание).
6. Ходение босиком (летом) в соответствующих условиях.
7. Солнце. Воздух. Вода.
8. Общее физическое развитие.
9. Питание - $\min 4000$ ккал.
10. C_2H_5OH и др. спиртные напитки не употреблять ни при каких обстоятельствах.

Редкие исключения: при встречах с друзьями, любимыми людьми, родными - но только сухое виноградное в пределах 300 мл.

Я отбрасываю все мои достижения (какие есть) и начинаю создавать прочную базу здоровья для науки и жизни.

Новое направление моей жизни.

Это направление - сама природа и жизнь.

- это горные мелодии оленей
- это сверкание серебряных капель воды на пихтах и кедрах под лучами утреннего солнца.
- это шум горных рек и водопадов.
- это шелест листвы молодой
- это величественная красота горных хребтов
- это проливные дожди и грозы
- это холод и жара
- это безлюдные степи и пустыни
- это непроходимые чащи лесов
- это страсть исследования
- это страсть и жажда нового
- это информация в природе
- это сфера жизни и ее эволюция
- это жизненные формы и ландшафты
- это структура и эволюция биосферы
- это Биосфера нашей планеты
- это ритм жизни Биосферы
- это люди нашей Земли
- это Космос
- это вся природа Вселенной.

Исследование природы в наибольшем контакте с нею.

Все мои помыслы и стремления направлены только на это. Не надо обращать внимание на все частные проявления плохого в жизни, всегда стремиться к большому и прекрасному!

Да, я сознаю, что у меня масса всяких недостатков, и теперь, в исправлении которых, мне необходимо работать и работать над собой. Многое зависит от труда.

Я отбрасываю все достижения и начинаю с самого начала, с азов. Сколько лет у меня пропало даром!!! И теперь только настойчивый труд будет приближать меня к ним, к моим идеалам А. Гумбольдта, Ч. Дарвина, Н. Пржевальского, В. Вернадского.

Так за напряженный труд!!!

Здоровье и знания – вот, фундамент для моей цели жизни- исследовать природу во всем ее многообразии.

Некоторые главные выполнения:

1. Закаливание проводить постепенно (основа- система Миллера)
2. Сон 8-7 часов
3. Быть вежливым, точным, аккуратным
4. Простота и скромность
5. Речь развивать - риторика
6. Меньше спорить, а больше думать, что из этого спора выйдет и делать соответствующие выводы
7. Свои мысли сначала продумать, а потом высказывать
8. Не употреблять спиртных напитков
9. Красота внутренняя и внешняя
10. Развивать художественное искусство
11. Развивать писательское искусство
12. Подготовка к экспедициям (установка Н.М. Пржевальского)
13. Отношение к людям- самое наилучшее
14. Английский язык(знать)
15. Немецкий язык (знать)
16. Спорт (зарядка, лыжи, плавание)
17. Научная работа. Научная обработка полевых и экспериментальных данных. Золотое правило Пржевальского
18. Путешествия в природе и занятие в научных и экспериментальных лабораториях университета и институтов - умело сочетать и проводить в жизнь
19. Научная литература (отечественная и иностранная)
20. Художественная литература
21. Учебный процесс «4» и «5»
22. Работа в полевых условиях по А. Гумбольдту и Н. Пржевальскому (организация, выполнение)
23. Библиография
24. Рефераты
25. Amphibia, Reptilia, Aves, Mamalia.
26. Материалистическое мировоззрение
27. L. Medehen- libe
28. Биосфера и Космос
29. Целостность понимания планеты
30. Синтез, широта интересов

Принимаю это направление в день моего 25-летия!

Много раз пытался я начать жить по-новому, но все не выходило. Теперь решено, что это твердо и бесповоротно.

Принимая это направление передо мной стоит трудная задача

- как можно ближе приблизиться к моим идеалам А. Гумбольдта, Ч. Дарвина, Н. Пржевальского, В.И. Вернадского.

Для меня важен сам дух их работы и творчества, подход к науке изучения природы. Естественно, необходимо учитывать и применять современные достижения науки и ее дальнейший прогресс.

Подход, работа этих ученых должны быть моими примерами при исследованиях в природе и в лаборатории.

Буду работать так, чтоб с каждым днем приближаться к моим идеалам!

Вечер 1 сентября 1965г. (день моего рождения 2 сентября, но в паспорте записано 1 сентября.

Время бежит

1965 год

Сегодня 17 июня 65 года вновь отправляюсь в путешествия. На этот раз в Одессу. Прошло немного больше месяца (с 6 мая) – вступление ЗМЖ в силу. За этот срок я подготовил и сдал философию (кандидатский минимум) на 4. Но еще во многих пунктах я допустил серьезные ошибки. Нужна твердость и твердость к себе. Волю нужно воспитывать каждую минуту. А идеи в ЗМЖ, в общем, правильные и их буду претворять в действительность.

19 января 1968 года

Только что прочел «Страдания юного Вертера», и меня сильно поразила и потрясла трагедия Вертера, и я даже заплакал. Многие и многие моменты жизни Вертера можно видеть в жизни моих современников. Порывы души Вертера очень близки мне и знакомы. Я не перестаю восхищаться Гёте, который создал своего Вертера в 1823 году.

«Многим казалось, что человеческая жизнь – только сон, меня тоже не покидает это чувство».

«Милый Вильгельм, я не раз задумывался над тем, как сильна в человеке жажда бродяжничества, делать новые открытия, как его манят просторы; но наряду с этим в нас живет внутренняя тяга к добровольному ограничению, мы предпочитаем катиться по привычной колее, не оглядываясь по сторонам».

«Вильгельм, что нам мир без любви! То же, что волшебный фонарь без света». Вот некоторые слова Вертера, которые мне близки, еще привести нужно и песни Осиани и многие другие хорошие слова Гёте, сказанные его героем Вертером, а, в сущности, им самим.

16.03.1975

Все же хочу разобраться в себе – кто я такой?

Мне, как видимо и многим, хотелось быть сильным, умным и счастливым. Но жизнь вносит существенные коррективы при нашем движении к цели. Так и со мной. Мне в этом году 2 сентября (1-го по паспорту — это я при получении его изменил дату своего рождения) исполняется 35 лет. Срок и возраст немалые, а достигнуто весьма мало. Можно сказать, что «как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок». Мне хочется выяснить причины этих ошибок. Пока пропущу ранние периоды моей жизни (детство и юношество), которые безусловно были основой для формирования моего характера. Однако, зная свои недостатки, и сейчас работаю над собой.

«Гера всегда казался мне очень серьёзным и собранным человеком, целиком ориентированным на науку и именно полевую зоологию. Это тогда для нас была классика - умение собирать материал в природе. У него я научился собирать и хранить архив, вести полевой дневник и многим практическим вещам. Вообще, у нас был интересный курс на Биофаке. Я поступал сразу после школы, в 1959 году и тогда как раз отменили льготы для золотых медалистов, так что я сдавал все 4 экзамена. Но ввели льготы для производственников, надо было отработать 2 года. Поэтому на курсе было много ребят 40-го года рождения и старше. Где Гера работал до биофака, не знаю. Мы таких вопросов, как правило не обсуждали (как и о родителях). Может, тогда он уже бывал в Алтайском заповеднике, где приобрёл хорошую профессиональную практику. Ну и ещё совсем личное воспоминание. Он жил тогда на Петровском? Бульваре около Трубной площади. А в 65-м году мы с Наташей купили кооперативную квартиру на Дыбенко. Я решил сделать в кухне шкаф. Досок купить было негде, а у Геры во дворе или около была какая-то мастерская. Он договорился с мужиками, и они мне напилили-настрогали нужные доски. За биологическую валюту, конечно. Так что полку я сделал благодаря ему, она нам хорошо служила. У нас была традиция - собираться на годовщину гибели Юры Горского у его жены Тани. Жили они в высотке, на углу Ленинского и Удальцова, как раз, с другой стороны, от Вашего дома. Так что там с папой ежегодно виделись. Да ещё и у вас бывали. А так, была обычная жизнь, о вечности не думали, воспоминания откладывали до пенсии, но вот, оказывается, многое уже поздно» (Всеволод Попов).

1973 год. Фото В. Попов

29 февраля 1976 год

Будучи еще студентом 3-го или 4-го курса, я попал на оперу «Евгений Онегин» в Большой театр. Места у меня не было, так я прошел по пропуску Коли Судзиловского, моего хорошего друга, он же меня проводил и усадил в бенуар на валик, что окаймляет ложу.

Музыка, великолепное пение и декорации погрузили меня в поэтический мир любви, и как-то само получилось, что рядом со мной сидела девушка моих лет в сером костюме, она мне сразу понравилась, но я был, да и сейчас есть, робкий и ничего ей не сказал, а жаль!

Тульские засеки, да это же лес Толстого! Только такой вековой лес мог сделать его Великим писателем.

Фото и комментарии - А.К. Агаджанян: «Кузнецов Г.В. и Т.И. Дмитриева на морковке». Кузнецов Г.В. и Татьяна Ивановна Дмитриева – сотрудники Института эволюционной морфологии животных им. А.Н. Северцова. Снимок сделан в подмосковном совхозе осенью 1978 г., куда сотрудники института выезжали на уборку овощей. В данном случае- моркови.

«Любовь – великая сила, дающая возвышенное ощущение и реальность. В этот миг чувствуешь себя самым добрым, нежным, сильным и счастливым человеком. Словно в мире больше никого нет кроме тебя и твоей любви. Какое счастье – иметь любовь и уметь любить».

Г. В. Кузнецов 10 ноября 1973 год

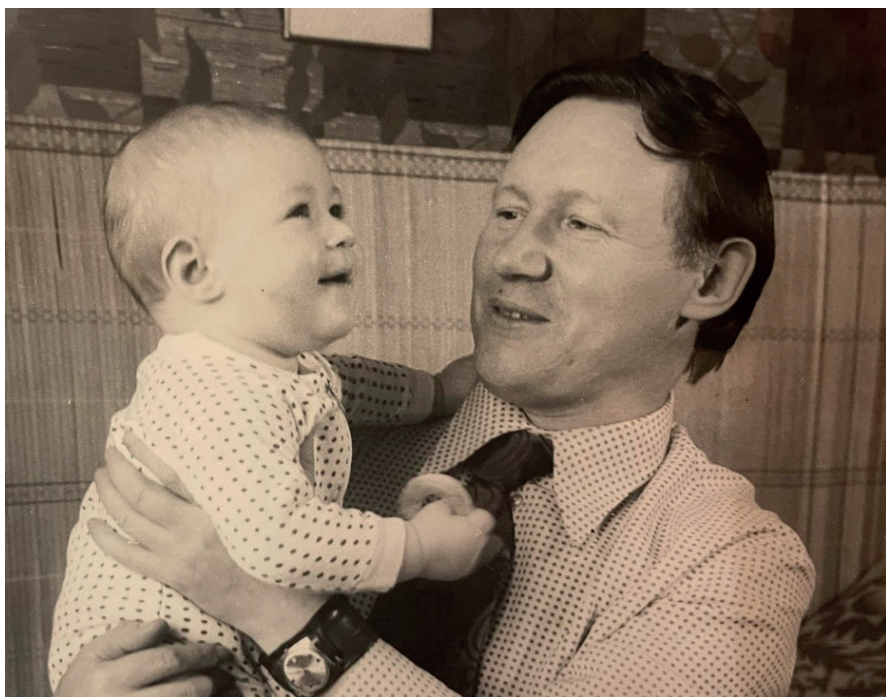

1977 год, Валдай, первая совместная поездка

20 мая 1977 год возле Гагаринского ЗАГСа.

1978 год с сыночком Митюшей (род. 7.11.1977)

1978 год с дочерью (падчерицей) Светланой

1979 год

1980 год

«...Время бежит быстро и вот с момента моей первой поездки во Вьетнам прошло почти 15 лет. За этот период произошло много событий как в мире, так в странах Индокитая. Появился ряд публикаций моих коллег о Вьетнаме. Казалось наиболее запоминающиеся впечатления уже высказаны, сделаны интересные фотоснимки, фильмы. Здесь я вспомнил высказывание одного из востоковедов, изучавшего Иран, о том, что даже десять лет, проведенные в стране, недостаточно для ее глубокого понимания. Более того у каждого автора свое видение природы и людей, поэтому я решил рассказать о моих первых впечатлениях о Вьетнаме в 1978 году. Это связано прежде всего с тем, что Вьетнам еще недавно (в 1975) стал единым государством (произошло объединение Демократической республики Вьетнам с Южным Вьетнамом) и народ страны был полон энтузиазма и стремления к новой жизни. Во-вторых, еще не были обследованы тропические леса в Центральном и Южном Вьетнаме. Последнее, естественно, нас сильно подогревало. И вот 19 октября 1978 года небольшая группа зоологов, в составе энтомолога Л.Н. Медведева, орнитолога Л.С. Степаняна и териолога автора этой заметки, отправилась во Вьетнам. Основная цель поездки заключалась в выборе стационара и обсуждении программ комплексных совместных эколого-фаунистических исследований; в сборе данных по фауне и экологии насекомых, птиц и млекопитающих. Следует сказать, что эта и все последующие поездки во Вьетнам смогли осуществиться только благодаря инициативам и поддержке директора Института эволюционной морфологии и экологии животных Российской Академии Наук - академика В.Е. Соколова. Наконец все волнения и хлопоты с отправкой багажа позади. Идет долгожданная посадка в самолет в Шереметьево. Самолет стремительно разбегается, еще секунда, и воздушный лайнер Ил-62, оторвавшись от земли, быстро набирает высоту. Мерно работают моторы, за окном самолета проплывают причудливые белые горы облаков, и мы с каждой минутой приближаемся к встрече с удивительной тропической природой. В 22:30 самолет пересекает границу нашей страны и берет курс на Бомбей. Далеко позади остался морозный воздух севера. В Бомбее промежуточная посадка, и мы, словно в сказке, очутились в жарком лете. Температура воздуха достигает + 30 °С, при почти 100% влажности. В залах аэропорта Бомбея плавно движутся люди Востока - кто в шлепанцах, кто босиком, кто в туфлях.

Пробыв несколько дней в Ханое, в Центре научных исследований Вьетнама, мы отправились в свою первую экспедицию в провинцию Ха. Шон Бинь (уезд Ким Бой), где нам предстояло непосредственно работать в горных тропических лесах вместе с вьетнамскими зоологами. Здешняя природа тропических лесов произвела на нас сильное впечатление. Удивительные насекомые, изумительные по окраске тропические птицы, таинственные виверры. Все это сразу же захватило нас. В этих лесах есть много незаметных видов и необычных явлений природы, представляющих большую ценность для науки. Знакомство с фауной — это ежедневные учеты на площадках, научное коллектирование в тропических лесах и освоенных человеком долинах.

Находясь в тропическом лесу, испытываешь на себе всю гамму мироощущений. Живительно действуют на человека горные потоки их ритмичным «говором» и прохладой, мелодичные звуки тропических птиц, цветовая мозаика леса. В самом лесу полумрак, т.к. лучи солнца, сквозь листву и висящие лианы, еле пробиваются, но на полянах яркое солнце и шелест громадных листьев диких бананов, одни из самых крупных представителей травянистых растений. Возвращаясь с утреннего маршрута, при подходе к деревне обычно встречаем местных жителей мыонгов: одни несут связки длинных стволов бамбуков, другие идут с плетеными корзинками за спиной с маниоком рисом, дровами и т.д. Поделюсь впечатлениями о своей первой охоте во Вьетнаме. Ноябрь 1978 г. в горах пасмурно, но дождя нет, вечереет. Охотник мыонг и я идем по еле заметной тропинке среди тропического леса. Он вооружен арбалетом, а я двустволкой. Мой спутник ступает босиком, и потому совершенно бесшумно. Я же одетый в энцефалитку, бахилы и кеды, тоже стараюсь не шуметь, но это выполнить иногда трудно. Наступают густые сумерки, грань между днем и ночью, длящиеся в тропиках минуты. Стало меньше голосов, в лесу только цикады трещат, словно электрические пилы, да запоздалые птицы перекликаются. Вдруг слышу шорох и малейшее перемещение на гигантском фикусе. В еле заметного зверька прицеливаюсь, выстрел, что-то падает. Бежим и не находим. Я уже начал думать, что это был сухой лист. Наконец около самого дерева на земле вижу тупайю -представителя древнейших животных. Эти зверьки много хлопот доставляют зоологам, которые их относят то к отряду приматов, то к отряду насекомых. А в настоящее время их выделяют в самостоятельный отряд скандентия. Идем дальше. Охотник - мыонг высоко на дереве заметил белку. Он сначала натянул тетиву, затем плавно и неторопливо поднял арбалет и прицелился. Спуск курка, и бесшумным выстрелом белка, убитая бамбуковой стрелой, упала в 20 м от нас...».

Мы с Хуэ (фото Всеволода Попова)

Всегда вместе

Глава 2

Из вьетнамских дневников Германа Васильевича Кузнецова и Татьяны Николаевны Филатовой

Полная версия дневников и статей приведена в книге «Воспоминания семьи Филатовых», изданной ограниченным тиражом для друзей и близких в 2022 году. Получить эту книгу можно написав Светлане Филатовой по электронной почте cfilatova@list.ru

2.1 Один день из экспедиционной жизни в тропиках Вьетнама

Г.В.Кузнецов, Т.Н.Филатова

Рано утром нас будит громкое «Та-кэ! Та-кэ!». Это большой чёрно-серый геккон, гекко, которого местный народ так и зовёт «Такэ». Перед тем как издать эти гортанные звуки, он какое-то время как бы «чистит» своё горло и получается нечто, напоминающее куриное ку-дахтанье «Кхе, кхе, кхе!». Смотрим в окно: только чуть-чуть светает, значит можно поспать еще десяток минут. Но тут раздаётся настойчивый стук, прислушиваемся. Нет, стучат не в дверь, а на стене мелькает быстрая тень — это нас будит маленький домашний геккончик, серенький, с красными пятнышками на спине и на лапках - такие звуки он издаёт своим горлышком. Вообще, в нашем гостиничном домике (guest house, как написано при входе) люди – это временные жители, гости, а постоянно здесь проживают самые разные гекконы. Кроме большого геккона и нескольких маленьких вечерами выползает поохотиться и средний геккон.

В нашем гостиничном домике, люди – это временные жители, гости,
а постоянно здесь проживают самые разные гекконы.
Вечерами выползает поохотиться и средний геккон

Гекконов мы любим, хотя вначале немножко вздрагивали, когда маленький геккончик стремглав выскакивал из открываемого шкафа. Он сидел там в засаде, подкарауливая какую-нибудь летающую или ползающую «дичь» вроде комаров, термитов, мошек и жучков самого разного размера. Летающие и ползающие насекомые лезут в нашу комнату в большом количестве, особенно вечерами. Они проникают через многочисленные щели в дверях и под дверями, тем более, что дверей здесь две, и одна из них выходит прямо в тропический лес.

К сожалению, гекконов осталось не так уж много. Считается, что спиртовая настойка из них (особенно из больших гекконов) обладает необыкновенной целебной силой, поэтому гекко отлавливают в больших количествах.

О, уже скоро 6 часов утра, пора вставать! Вылезает из-под полога и, прежде чем одеться, осторожно ощупываем тапочки. Этот жест уже механически отработан. Не так давно один из наших коллег не заметил спрятавшегося в тапочке маленького скорпиона, или «бо капа», по-вьетнамски, и засунул туда ноги. Ему повезло, он сумел быстро вытащить ногу, и остался невредимым. А вот нашей дежурной, вьетнамке Ня, не повезло: «бо кап» вцепился ей в руку, когда она что-то искала в ящике с тряпьем. Скорпиона, конечно, оторвали от руки и выбросили, но рука покраснела, распухла и болела несколько дней,

хотя Ня усердно лечила её очень эффективной местной целебной мазью «Белый тигр» (White tiger), как написано на зелёной коробочке с тигриной мордой.

Распахиваем дверь: за ней небольшие местные огороды с цепочкой банановых «деревьев», а дальше, совсем близко тропический лес. Прямо напротив нас огромное дерево, кое-где увешанное черными, подошвообразными жесткими стручками. На этом дереве рано утром часто появляются желтолапые белки, принадлежащие к роду *Callosciurus*, что означает прекрасные белки. Эти белки действительно красивы, с их синими выразительными глазами, желтыми лапками и пушистым серым хвостом. А вот и они! Видим, как грациозно передвигаются они вверх и вниз по стволу дерева, а потом пропадают где-то в густой листве. Одна из них появилась на соседнем дереве и как будто на минуту застыла, к чему-то прислушиваясь ...

Белки действительно ...красивы с их синими выразительными глазами и пушистым серым хвостом. Одна из них появилась на соседнем дереве и как будто на минуту застыла, к чему-то прислушиваясь

Но время идёт! Пора мыться, завтракать и собираться на работу в лес. В душевую стараемся входить очень осторожно, чтобы не наступить, например, на жабу, клопа или ещё какое-нибудь «зверьё», которое ночью проникает сюда из приоткрытого окна.

Жаба и клоп ночью проникли к нам в душевую из приоткрытого окна

К нам забегают и ящерицы «мабуи». Одна из них вообще устроила себе место обитания под матрасом на нашей кровати и была очень недовольна, когда её потревожили. Так же, как и гекконы, они по праву считают себя здесь старожилами - резидентами, а нас всего лишь гостями.

Иногда к нам забегают и ящерицы «мабуи». Одна из них вообще устроила себе место обитания под матрасом на нашей кровати и была очень недовольна, когда её потревожили

Перед тем, как закрыть дверь, выходящую в лес, внимательно осматриваемся, т.к. можно не заметить пришедшего в гости скорпиона или паука, которые уже неоднократно к нам навевывались.

*Неоднократно к нам наведывались в гости
скорпион (слева) и паук (справа)*

Завариваем кипятком наш московский «геркулес», добавляем туда сухое молоко, изюм, выпиваем по стакану зелёного вьетнамского чая и отправляемся в лес. Сейчас конец марта, т. е. разгар сухого сезона. Пиявки в лесу в это время должны «отдыхать», поэтому поначалу мы не стали натягивать на ноги бахилы, предохраняющие от их укусов. Но погодные аномалии в этом году наблюдались не только в Москве. Мы улетали из нашей столицы 15 января 2007 года, и самолёт взлетал не с заснеженного аэродрома (как вроде бы положено в середине зимы), а с сочной зеленой травки - температура была значительно выше 00. Поэтому мы особенно не удивились, что здесь, в тропиках в разгар сухого сезона начались ливневые дожди, которые, правда, с небольшими перерывами, продолжались 4 суток. Естественно, пиявки проснулись, и тут же, несмотря на толстые носки, прокололи нам кожу, и выпили, сколько могли, нашей крови. Теперь места укусов постоянно зудят.

Мы проводим исследования в Национальном парке Кат Тиен – это одно из лучших заповедных мест Южного Вьетнама. Изучаем грызунов на участке тропического леса, который называется «*Лагерстроения*», по имени основной древесной породы (*Lagerstroemia ovalifolia*). До нашего трансекта (линии, где мы расставили ловушки) всего 1 км, так что дорога до леса занимает у нас не больше 20 минут. Но длина самого трансекта – тоже около 1 км, поэтому весь путь туда и обратно, это 4 км. Проверяем ловушки мы дважды в день, значит, за день проходим не менее 8 км - такой основательной физзарядке может позавидовать любой спортсмен-непрофессионал.

Раннее утро в Кат Тиене почти всегда туманное. Наслаждаемся прохладой, которая здесь так коротка: уже после 8 часов утра солнце начинает нещадно палить. Идем по ковровой дорожке, устланной разноцветными сухими листьями. Лес здесь полулистопадный, т.е. часть деревьев «к зиме» сбрасывает свою листву. Сейчас конец марта – и в тропическом лесу заметно ощущается наступление весны. Дерево с острыми длинными колючками, угрожающе натыканными вдоль всего ствола (к нему не прислонишься, как к нашей березке или рябинке), недавно украсилось светло-зелеными листочками.

На дереве с острыми длинными колючками, угрожающе натыканными вдоль всего ствола, весной появляются тонкие светло-зеленые листочки

Весной на многих деревьях распускаются цветы (слева), а на других - рядом со старой жесткой листвой появляются новые нежные листья, причем иногда не зеленого, а красно-розового цвета (справа)

Много высоких цветущих деревьев, причём нередко на одном дереве сразу же вместе с цветами можно увидеть и созревшие плоды. Но разглядеть цветы и плоды у очень высоких деревьев не так-то просто. Этому помогают или бинокль, или обезьяны с белками. Эти зверьки, срывая вкусную еду, часто роняют её на землю. Так, например, на земле оказался ярко-красный цветок лианы, который, очевидно, уронили эти зверьки, когда лакомились её черными семенами.

На земле оказался ярко-красный цветок лианы

А вот и знакомое дерево породы Лагерстроения, на котором высоко, в 10 - 12 метрах от земли часто сидит, не шелохнувшись, большой гекко. Привет, гекко! Встреча с ним – хороший знак, значит, будет удачный день.

К 6:30 часам утра дошли до нашей тропы, где мы проводим «учётную сессию». На грунте и в пологе тропического леса определяем видовой состав, численность и пространственное распределение различных грызунов, играющих самую важную роль в сохранении стабильной структуры тропического леса. Наша тропа – это узкое ответвление от

основной дороги, по которой обычно проходят толпы туристов и орнитологов-любителей. К счастью, к нам они не навешиваются, благодаря тому, что наша тропа резко повышается, и на ней нагромождено много огромных каменно-туфовых валунов. Приходится ходить очень осторожно, особенно после дождя, когда ноги начинают скользить на мокрых камнях. Потом тропа постепенно снижается, переходя в небольшое, совершенно ровное плато, или «такыр», как называют подобные места в полупустынях Казахстана. На нем местами растёт низенький кустарник, на такыре узкая пешеходная тропа заканчивалась, и нам приходилось с помощью длинного деревянного ножа «мачете» пробивать дорогу через густой кустарник, лианы, ротанговые пальмы и «подрост» различных деревьев, а потом привязывать красные метки – указатели маршрута. Так мы пробивались примерно с 0,5 км, окончив трансект у огромного дерева породы «Афзелия», чьи широко раскинувшиеся корни теперь служат нам хорошей скамьей после тяжёлого пути.

Широко раскинувшиеся корни дерева «Афзелия» теперь служат нам хорошей скамьей после тяжёлого пути

Отдыхая на ней после проверки ловушек, мы могли наблюдать за жизнью этого кусочка тропического леса. Не так далеко от нас прыгали маленькие полосатые неуловимые белочки рода *Tamias*, которые «поют», как птички, а передвигаются по стволам и веткам иногда даже быстрее птиц. Отловить в достаточном количестве и изучить подробно этих белочек нам пока ещё не удалось. Однажды мы наблюдали, как летит с высокого фикуса харза, грациозно, по-кошачьи, изогнувшись в своём прыжке. Ещё мы уличили в воровстве большую черно-белую птицу-носорога, которая взлетела при нашем приближении, выпустив из клюва ловушку с крысой Сурифер, которую она сумела перенести на несколько метров. Этот кусочек «нехоженого» тропического леса оказался очень интересным.

*Фото А.В. Зиновьева. Мы уличили в воровстве
большую черно-белую птицу-носорога*

Но сегодня больше всего мелких млекопитающих нам удалось отловить, пометить и выпустить обратно в лес недалеко от такыра. В пологе леса в ловушку попались 2 прекрасных серых белочки и соневидная древесная мышка, такая маленькая, что мы не сразу разглядели её в ловушке, которая висела на лиане в 5 м от земли. А на земле в ловушке попалась целая семья – самец и самочка тупайи, очень похожие на белок, с пушистым хвостом, только шоколадно-коричневого цвета и более острой мордочкой. Эти небольшие зверьки (их вес иногда достигает 300 г) любят разнообразное питание: они с удовольствием поедают и нашу приманку (маниок, обмазанный ароматным подсолнечным маслом), и яйца разных птиц. Так однажды, услышав наши шаги, из-под фикуса вспорхнула дикая курочка, оставив на сухих листьях 4 белых яйца. Где-то рядом промелькнула тупайя. Когда через 15 -20 минут мы возвращались обратно, яиц уже не было, но, в сторону от фикуса метнулась тупайя.

На земле в ловушки попалась ... самочка тупайи

Наибольшее число отловов на земле, конечно, принадлежит рыжим колючим крысам Сурифер (*Maxomys surifer*), которые являются преобладающим, наиболее распространенным видом крыс в Южном Вьетнаме. Удивительно, но они очень любят расселяться на возвышенном кусочке трансекта, где лежат «камень на камне» огромные валуны. Они делают себе норки под валунами, где, очевидно более безопасно и не так жарко. Сегодня в полдень мы зарегистрировали разницу между температурами в такой норе и на поверхности земли. Оказалось, что в норе на 50 прохладнее (не 320, а 270).

*Наибольшее число отловов на земле принадлежит
рыжим колючим крысам Сурифер*

*Они делают себе норки под валунами, где, очевидно,
более безопасно и не так жарко*

Эта возвышенная часть трансекта оставалась незатопленной во время наводнения, которое мы наблюдали во влажный сезон, в конце августа 2006 года. Воды реки Донгнай поднялись особенно высоко:

такого половодья не наблюдалось в течение последнего десятка лет, по словам работников заповедника. Нам пришлось добираться до трансекта почти по пояс в воде, преодолевая сильное течение Донгнай. Возвышенная часть трансекта оставалась незалитой, как маленький островок. Мы поставили ловушки на этом месте, и оказалось, что численность крыс в этот период превышала в 3 раза среднюю численность, характерную для различных участков Национального парка Кат Тиен. Очевидно, здесь эти зверьки спасались от наводнения, как в своё время зайчишки из некрасовской поэмы про деда Мазая и зайцев.

Осмотр ловушек окончен, жара усиливается, пот обильно капает с лица, наши рубашки насквозь мокры от липкого пота. Время приближается к полудню – и тут, как по мановению палочки таинственного дирижёра, разом начинают звенеть цикады, да так громко, что начинает звенеть и в наших ушах.

Возвращаемся в нашу комнату, быстро принимаем душ и завариваем традиционный экспедиционный обед: вьетнамскую лапшу «милликет», в которую иногда добавляем местные консервы. Но сначала с наслаждением пьём воду, в которую отжимаем сок зелёных мандаринов, подаренных нам коллегой, всегда добродушно улыбающимся вьетнамцем Шоном. Понимаем вьетнамцев, для которых дневной сон – это священнодействие и ложимся отдыхать. Правда, не всегда, несмотря на усталость, удаётся заснуть, в комнате душно, нет кондиционера, но так приятно вытянуться на жёсткой постели и дать расслабиться своим уставшим ногам!

Во второй половине дня ещё раз отправляемся на трансект. Весь лес ещё пропитан послеполуденным зноем, но постепенно жара начинает спадать. Белки – дневные грызуны, в самую жару они тоже укрываются где-нибудь в тенистой листве, а ближе к вечеру становятся активными и могут забраться в ловушку, чтобы полакомиться маниоком и земляным орехом. Но сегодня белки в ловушки зайти не захотели, хотя иногда во второй половине дня их отлавливается больше, чем в первой. Зато пришла ещё раз маленькая каштановая крыса Нивинтер, которая закодирована нами под номером 11. Вообще, крысы активны ночью, и мы выпускаем их из ловушек рано утром, но некоторым особям почему-то нравится забегать в ловушки и днём. Открываем ловушку, но эта маленькая крыса не спешит убежать, а садится на соседний камень и вопросительно посматривает на нас. Даём ей кусочек маниока, который она тут же торопливо начинает грызть.

Эта маленькая каштановая крыса садится на соседний камень и вопросительно поглядывает на нас. Дадём ей кусочек маниока, который она тут же торопливо начинает грызть

А это кто притаился под деревом, недалеко от последней ловушки? Это же скорпион, большой, с синим отливом. Он совсем не похож на тех скорпионов, которые приходили к нам в гости. Несколько раз фотографируем его, но видимо, это ему начинает надоедать, и он угрожающе поднимает хвост. Всё, не волнуйся, уходим!

Это скорпион, но совсем не такой, какие приходили в гости к нам в гостиничный домик. Он большой, с синим отливом

Чтобы узнать, кто живет на нашем участке леса, совсем не обязательно их поймать ловушками или увидеть. Таких крупных ночных обитателей леса, как например, виверры или дикобразы непросто разглядеть тёмной тропической ночью. Чтобы сказать, сколько, например, виверр, побывало на нашем участке леса за прошлую ночь, опытному зоологу достаточно внимательно осмотреть свежие «кучки» характерных экскрементов. Эти животные оставляют их на земле, а довольно часто и на высоком гладком бревне: здесь на них обычно слетаются крупные сиреневые бабочки.

Виверры иногда оставляют свежие «кучки» характерных экскрементов на высоком гладком бревне: здесь на них обычно слетаются сиреневые бабочки

*Свежие погрызы цикасов говорят нам о недавнем присутствии
на трансекте дикобразов*

В лесу уже начинает темнеть, наступают сумерки. В тропиках они быстротечны и необыкновенно красивы. Бледно голубое небо постепенно меняет свою окраску, оно становится ярко жёлтым, а затем нежно розовым, но не сразу, а переходя через все оттенки красно-о-

ранжевых тонов. Нужно торопиться, ведь в лесу особенно быстро темнеет, а выбраться из тёмного тропического леса непросто. И главную опасность представляют не хищные звери, их не так-то уж и много в Кат Тиене. Опасны стволы деревьев с длинными острыми шипами, колючие ветви ротанговых пальм и бамбуков, а также многочисленные лианы. В стелющиеся по земле тонкие лианы, как в капкан, могут попасть ноги, а другие лианы так и норовят прочно вцепиться в вашу одежду и чтобы их отцепить, приходится иногда довольно сильно поранить руки. Чуть сойдёшь в темноте с пешеходной тропы, и ноги могут угодить в нору, иногда пустую, а иногда и со схоронившимся там зверьком.

Возвращаемся обратно в гостиничный домик, заносим в свой ноутбук результаты сегодняшних исследований и отправляемся в местную столовую ужинать. Там нас ждёт, прежде всего, вьетнамский суп (кань, по-вьетнамски), приготовленный обычно из разных трав. Больше всего нам нравится кань, в который добавляют ещё и кусочки тыквы. Местная тыква, как нам кажется, один из немногих овощей, которые здесь вкуснее, чем у нас, в России. Обязательно на стол ставят маленькие блюдечки с соевым соусом и мелко нарезанный острый перец: кто хочет, добавляет его в соевый соус. И, конечно, нам подают традиционный рис с рыбой, или с мясом, или с омлетом — всё это обильно сдобрено вьетнамскими специями. Говорят, что в один из минувших влажных сезонов в меню входили жареные лягушки, но их попробовать нам не удалось.

По субботам и воскресеньям столовая обычно переполнена, громче всего звучит, конечно, вьетнамская речь, т.к. сюда приезжают туристы из города Хошимина, Далата и других мест Южного Вьетнама. Особенно много здесь бывает «организованных» детей из различных учебных заведений. Большинство детей одето в белоснежные рубашки, на которых алеют пионерские галстуки. Часто слышится английская речь, ведь именно на этом языке говорят теперь туристы и многочисленные любители-орнитологи из самых разных европейских стран. Русских туристов мы видели, к сожалению, только дважды, было очень приятно услышать родную речь так далеко от России.

Ночь сегодня безлунная, освещают дорогу нам только яркие звёзды да многочисленные цветные огоньки светлячков, летающие над нами, как некое фантастическое видение, в самых разных направлениях. Как жаль, что никто из наших коллег не играет на гитаре: сейчас бы послушать хорошую душевную русскую песню, и можно считать, что день прошёл удачно.

2.2 Афзелия Г.В.Кузнецов, Т.Н.Филатова

Когда мы произносим благозвучное слово «Афзелия», напоминающее женское имя, то на губах у нас появляется тёплая благодарная улыбка. Так обычно улыбаются, когда встречают доброго, хорошо знакомого человека. Но Афзелия — это не женское имя. Это пешеходная тропа, проторённая в тропическом лесу Национального парка Кат Тиен — одного из самых крупных заповедных мест Южного Вьетнама. Когда в очередной раз мы бываем в Кат Тиене, то проезжая мимо входа на эту тропу, всегда говорим: «Здравствуй, Афзелия! Спасибо, Афзелия!».

*Река Донгнай, естественная граница Национального парка
Кат Тиен на севере и северо-востоке*

Сама тропа получила свое название от произрастающей там древесной породы *Afzelia xylocarpa*. Стволы этого дерева напоминают по форме ветвистые козлиные рога, отсюда и латинское слово «*xylocarpa*». Это очень редкое дерево. Таких деревьев осталось во Вьетнаме совсем мало. Недавно нам удалось рассмотреть в бинокль, как оно цветёт — крупными белыми цветами. Почему в бинокль — потому что дерево

очень высокое, иногда выше 50 м, с густой кроной, в которой, как на грядках, растут орхидеи, папоротники и различные виды лиан.

Крона дерева Афзелии

Молодые плоды Афзелии

Созревшие плоды этого дерева представляют собой черные подошвообразные стручки, но молодые нежно-зеленые плоды с розовыми семенами – излюбленный корм для многих тропических животных.

В известной русской пословице недаром говорится: «Лиха беда – начало». Именно так можно назвать начало нашей полевой зоологической работы в Кат Тиене на участке тропического леса вдоль реки Донгнай.

Нам нужно было изучить население мелких млекопитающих, в частности, население грызунов в тропическом лесу Южного Вьетнама. Сообщество грызунов является одним из самых многочисленных в фауне Вьетнама и составляет 25% от всех его млекопитающих. Именно грызуны играют одну из ведущих ролей в тропических экосистемах, и, прежде всего, в поддержании стабильной структуры тропического леса.

Население грызунов можно условно разделить на две части: преимущественно наземные грызуны и грызуны, обитающие, в основном, в древесном пологе. Если о населении наземных грызунов кое-что было уже известно, то о древесных грызунах, в частности, об экологии белок практически не было никаких сведений в литературе. Нам нужно было получить надёжные данные о видовом разнообразии белок, их численности, о размерах занимаемых ими участков обитания, о соот-

ношении между постоянными жителями (резидентами) и мигрантами и т.д. Для получения такой первичной экологической информации используется метод мечения, когда грызуны отлавливаются, помечаются и выпускаются в месте отлова. А вот именно белок нам никак не удавалось отловить за 18 дней полевой экспедиционной работы!

Потом, проработав в Кат Тиене в общей сложности около 9 месяцев, мы собрали новый большой материал по разным видам грызунов: и древесных, и наземных. Теперь-то мы знаем, что тот участок тропического леса, где мы начинали работу, по своей структуре никак не мог быть местом высокой численности белок, их постоянного «компактного» проживания. Это место для них, вероятно, транзитное, где они бывают «мимоходом».

Но это мы знаем сейчас! А вот тогда, приходя из леса «с пустыми руками», мы очень переживали. Особенно один из нас (Кузнецов Г.В.), имеющий большой опыт полевой работы, автор монографии по млекопитающим Вьетнама. К тому же некоторые из наших молодых российских коллег, видя наши печальные лица, старательно «подливали масла в огонь», не отказывая себе в удовольствии задавать каждый вечер один и тот же «тактичный» вопрос: «Ну и сколько белочек вы сегодня поймали?».

Правда, мы получили интересные данные по экологии других мелких млекопитающих, но по белкам ограничились только визуальными наблюдениями (которые оказались очень полезными для нас в дальнейшем), так и не поймав ни одной из них. С грустью собирали мы ловушки в последний день экспедиции, нанизывали их на бечёвку, перекидывали через плечи и относили к нашему базовому жилью. Нести их приходилось не один раз: ловушек было много, они были тяжёлые, а расстояние до базового жилья около 5 км. Идём, на термометре 360 в тени. На полпути, возле моста через небольшую речку Бень Кы, заполняющуюся водой во влажный сезон, присаживаемся отдохнуть. Мимо нас лихо мчится на велосипеде наш молодой коллега, почвенный зоолог по специальности. А у нас пока нет велосипедов. Это уже через два месяца, в следующую экспедицию руководство Тропического Центра приобрело их для нашей работы. Встаём, устало улыбаемся друг другу, вспоминаем некрасовское «Знай, работай, да не трусь! Вот за что тебя глубоко я люблю, родная Русь!» и двигаемся дальше.

Покусанные комарами и москитами, с синяками от пиявок возвращались мы в город Хошимин в конце декабря: отдохнуть от полевых условий, написать отчёт и продумать план следующей экспедиции.

Там мы и встретили Новый год на берегу реки Сайгон, плавно катящей свои воды в совсем близкое Южно-Китайское море. Под затей-

ливо украшенными пальмами вьетнамские коллеги устроили настоящий праздник в ресторане при нашей гостинице «Petro Hotel». После скромной экспедиционной еды мы наслаждались обилием изысканных блюд из креветок, улиток и кальмаров, причём, местные повара включили в меню даже наш русский борщ и винегрет.

Потом, после праздничного ужина было так приятно погулять по ночному городу, не кутаясь в шарфы, шапки и тёплые шубы, а в лёгких футболках и брюках, подставляя своё лицо тёплому южному ветру. Единственное, что нам очень хотелось – это услышать голоса своих родных из далёкой Москвы и сказать им всего несколько слов: «С Новым годом, дорогие, будьте здоровы и счастливы». Ведь вот так вдвоём и надолго мы впервые покинули нашу семью. Но у нас не было тогда мобильного телефона, а почта не работала в эту новогоднюю ночь.

В конце января мы опять в Кат Тиене и начинаем свою работу с поиска участка «хорошего», ненарушенного тропического леса, загущенного бамбуками и ротанговыми пальмами. Теперь мы передвигаемся уже не пешком, а на своих новых железных конях – велосипедах известной фирмы «Martin».

Впервые об Афзелии мы слышали от герпетолога Володи Боброва, который показал нам вход на тропу, но заметил, что сам на ней не был, и потому ничего сказать не может об этом участке леса. Хочется ещё раз сказать ему спасибо за информацию.

И вот мы на бетонной дороге у входа на тропу. Раздвинув обвитые лианами кустарники, начинаем передвигаться вдоль по тропе. Пройдя 5-6 метров, видим комель вывороченного с корнем дерева. Около него мы и оставляем свои велосипеды, т.к. по узкой тропе, перевитой лианами, корнями деревьев и валунами из туфа, можно идти только пешком. Позже оказалось, что вывороченное дерево ещё раньше нас облюбовала себе кобра для постоянного жилья. И однажды, потревоженная стуком велосипедов, она высунула оттуда свою черную змеиную голову. После чего женская половина нашей «команды» благоразумно выбрала другое, более безопасное место для своего велосипеда, но бесстрашная мужская половина не побоялась соседствовать с коброй, заметив, что в таком месте велосипед находится под надёжной охраной.

Участок леса, через который была проложена тропа, сразу понравился нам своим разнообразием. Эта тропа пересекала и небольшие открытые поляны, и заросли бамбуков, и две маленькие речушки, выглядевшие безобидными низинами в сухой период и заполняющиеся водой во влажный сезон. Чтобы перебраться через них, приходилось устраивать переправы из стволов небольших деревьев, а потом устилать валежником прибрежные «топи», чтобы совсем не завязнуть в

грязи. Над более широкой речкой висела длинная толстая лиана, как будто специально протянутая для того, чтобы держаться за неё во время переправы. Кроме речек приходилось преодолевать и другие «полосы препятствий»: карабкаться через поваленные деревья, почти ползком пролезать под низко нависшими зарослями бамбуков, осторожно обходить валуны из туфа, скопления которых местами возвышались на тропе. И всё время нужно было быть начеку, чтобы не напороться на острые колючки, торчащие из стволов некоторых деревьев, не зацепиться за лианы, протянувшиеся и по земле, и висящие наверху между деревьями, а особенно нужно было опасаться тоненьких лианок с нежными листиками, которые «намертво» прилипали к открытым участкам кожи.

И вот мы около входа на тропу Афзелия

Но зато потом, преодолев эти преграды, мы добирались до участков «настоящего» тропического леса, незагущенного ротанговыми пальмами, бамбуками и колючими кустарниками - светлого, пронизанного солнцем, с высокими деревьями, такими как Афзелия.

Недалеко от входа ...на тропу «Афзелия» видим комель вывороченного дерева. Позже оказалось, что это место ещё раньше нас облюбовала себе кобра для постоянного жилья

В 300-400 м от входа на тропу возвышался огромный фикус, увитый многочисленными лианами, тянувшимися от него в разные стороны и на разной высоте. Мы решили, что здесь и будет начало нашего трансекта. На земле вдоль трансекта (длиной 1,5 км) мы расставили 60 ловушек и столько же ловушек развесили на лианах и ветвях деревьев (от 2 до 12 м от земли). Развесить эти «верхние» ловушки нам помогал научный сотрудник совместного Российско-Вьетнамского Тропического Центра Ву Мань и паренёк из соседней деревни, которого звали Неп. Мы им очень благодарны за помощь. В эти «верхние» ловушки к нашей обычной приманке (земляной орех и маниок, обмазанные ароматным растительным маслом, приобретённым на рынке ещё в Москве) мы специально, чтобы привлечь белок, добавили кусочки ярко оранжевой папайи, или «дуду», по-вьетнамски. Ведь, судя по литературным данным, у белок цветное зрение, и их должны были привлекать яркие плоды. Но впоследствии мы от папайи отказались: днём она размягчалась от жары, а влажной тропической ночью покрывалась плесенью.

Нам помогал научный сотрудник совместного
Российско-Вьетнамского Тропического Центра Ву Мань

Ловушки установлены, теперь наша задача проверять их два раза в день, а через день вносить свежую приманку. На земле ловушки начали активно «работать» уже через сутки. Конечно, первыми, их навестили крысы Сурифер (*Maxomys surifer*) – доминирующий вид в Южном Вьетнаме. Деревесные ловушки тоже не пустовали, но в них поначалу забирались не белки. Увидев закрытую ловушку высоко над землёй, в густой зелени деревьев, мы бросались снимать её, ожидая увидеть белочку. Но, увы! Это оказывалась или крупная крыса Леопольдамис (*Leopoldamys sabanus*), размером с белку, или маленькая каштановая крыса Нививентер (*Niviventer fulvescens*), или серо-коричневая Коратензис (*Rattus koratensis*), а изредка попадалась и симпатичная Лангбианис (*Niviventer langbianis*). Последнюю крысу зоологи поначалу выделили в отдельный подвид, т. к. действительно она заметно отличается от других крыс.

Рано утром на невысокой лиане нас ожидала наша первая белочка

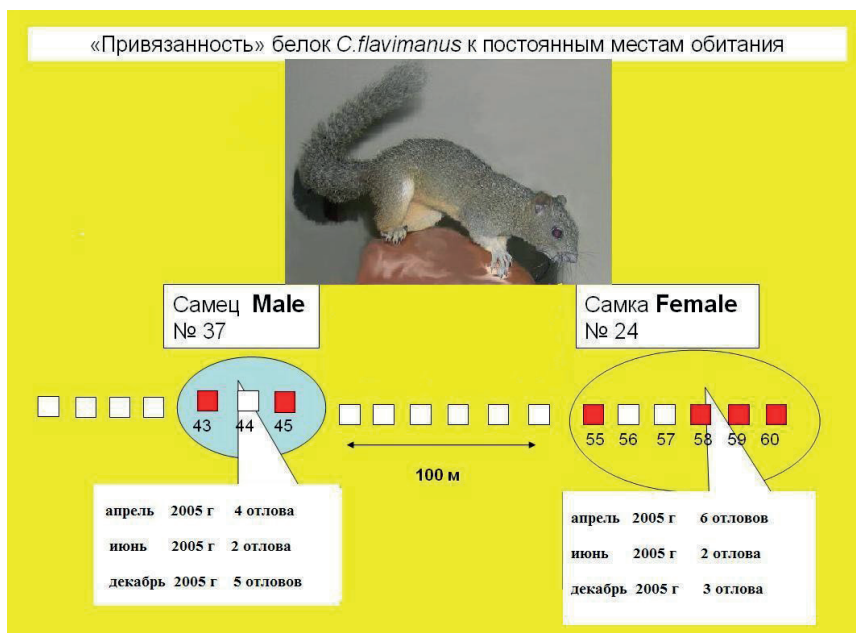
Вьетнамец Неп около первой белочки помеченной и выпущенной из клетки на волю в лес

И только на 6-ые сутки наше терпение, наконец, было вознаграждено. Рано утром на невысокой лиане нас ожидала наша первая белочка. Лиана тянулась между двумя стволами, расположенными недалеко от мощной кроны дерева Афзелия. Эта была желтолапая белка, которая относилась к роду *Callosciurus*, что означает род «прекрасных» белок. Она действительно, очень красива: с синими глазами и пушистым серым хвостом, а вкрапленные в него белые нити, создают ощущение белых колец, нанизанных вдоль всего хвоста. Мы поместили её номером 1 и отпустили обратно в лес. Вечером на террасе нашего гостиничного домика (guest house, как написано при входе) мы с коллегами отмечали нашу долгожданную удачу кружками светлого вьетнамского пива, или «биа», как мы привыкли его теперь называть, проведя около года в этой удивительной стране.

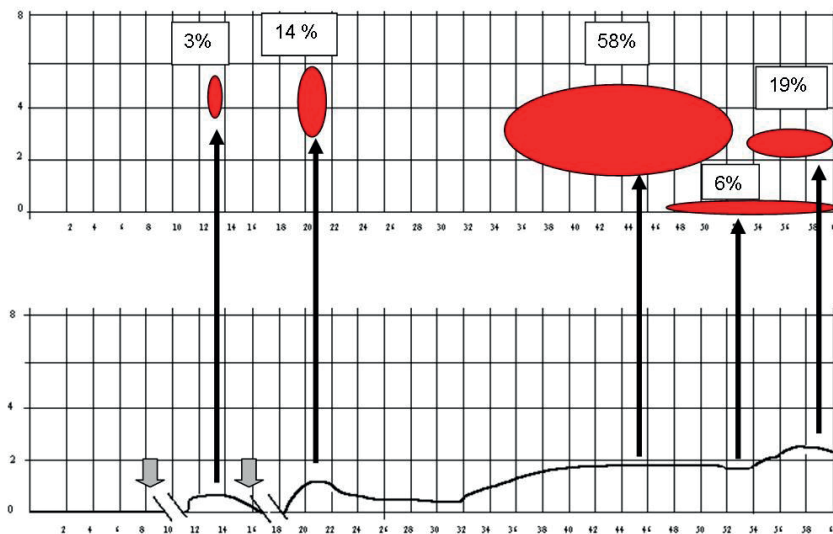
Потом белки стали отлавливаться каждый день, утром и вечером. Тогда, в январе 2005 года, мы за 15 дней отловили 26 белок, но некоторые из них заходили в ловушки повторно, так что общих отловов было 37.

Всего же, проработав на Афзелии, кроме января, ещё в апреле, июне и декабре 2005 года мы отловили 173 белки рода *Callosciurus*. Иногда в день попадалось в ловушки до 8 - 11 зверьков. Мы узнали, что большинство из них (более 60%) постоянно обитает на Афзелии, по крайней мере, в течение 1 года. Нам стало известно, какие участки на трансекте занимают отдельные белки. Это хорошо видно из приведённого ниже рисунка. Вот, например, в течение 9 месяцев и самка, и самец, помеченные определёнными номерами, попадались в одни и те же или соседние ловушки (отмечены красными квадратами), т.е. они «привязаны» к своему постоянному месту обитания (расстояние между ловушками 25 м).

Нам удалось выяснить, как изменяется пространственное распределение белок в тропическом лесу в зависимости от влажного или сухого сезона. Если в сухой сезон они равномерно распределялись по всему трансекту, то во влажный сезон белки предпочитали концентрироваться на возвышенных местах, причем, как правило, во второй половине трансекта, где находились участки первичного тропического леса с обилием разнообразных лиан. Мы узнали, как менялась динамика численности белок в разные сезоны, когда наступает у них период размножения, чем они питаются, и многое другое

Территориальная «привязанность» белок на трансекте Афзелия в течение годового цикла (2005 – 2006 гг)

Основные места концентрации отловов белок (*S. flavimanus*) в зависимости от рельефа на трансекте «Афзелия» в конце влажного сезона

По горизонтальной оси: номера ловушек, установленных вдоль трансекта; по вертикальной оси: высота древесного полога (в метрах), на которой отлавливались белки; красные круги и цифры над ними обозначают долю (в %) белок, отловленных на определенном участке трансекта; внизу: особенности рельефа, серыми стрелками обозначены две небольших речки, заполняющиеся водой во влажный период

Мы получили информацию ещё и о другом, очень маленьком древесном грызуне: соневидной древесной мышке *Chiropodomys gliroides*, масса которой всего 16-17 г. Мы долго пытались разгадать загадку: кто же съедает приманку, а потом спокойно уходит из наших ловушек, расположенных высоко над землёй. Мы бы не смогли решить эту проблему без более «чувствительных» ловушек, изготовить которые нам помогли наши коллеги из Института проблем экологии и эволюции в Москве - Людмила Савенецкая и Саша Купцов. Большое, большое спасибо им или «камьин неу», как говорят вьетнамцы! Численность этих мышек на Афзелии оказалась очень высокой, особенно во влажный сезон. С помощью этих данных мы смогли в дальнейшем выявить некоторые закономерности в распределении мелких млекопитающих между грунтом и древесным пологом.

Мы получили информацию об очень маленьком древесном грызуне: соневидной древесной мышке *Chiropodomys gliroides*, масса которой всего 16 -17 г.

А вот в нижних ловушках, установленных на земле, съедал маниок совершенно неожиданный для нас и уж совсем маленький обитатель трансекта: ярко-коричневая многоножка, похожая на большую гусеницу. Она пролезала через проволочные ячейки ловушки, обгрызала маниок и спокойно уходила таким же путём. Многоножек мы часто видели и на земле, и на стволах поваленных деревьев и никак не ожидали от них такого аппетита, пока не поймали на «месте преступления»...

Съедал маниок уж совсем маленький обитатель Афзелии

Мы часто видели многоножек на стволах поваленных деревьев

За время работы мы узнали и многих других обитателей Афзелии. Каждый раз, около полудня, когда мы заканчивали утреннюю проверку ловушек и уходили из леса, на бревне перед речкой обычно грелась большая ящерица - мабуя, которая, очевидно, привыкла к нам и не спешила убежать.

На бревне, перед речкой грелась большая ящерица – мабуя

На высоко поднятом над землей сломанном дереве любили бегать небольшие пушистые коричневые зверьки, очень похожие на белок, но с узкой, хищной мордочкой, большие любители разорять птичьи гнёзда и съедать их яйца. Это тупайи. Пять из них попались к нам в ловушки, и, естественно, были помечены и выпущены обратно в лес.

Мы видели, как на большой поляне, недалеко от входа на тропу в апреле токовали красавцы фазаны. Один из них около 6-ти часов вечера регулярно укладывался спать на древесный сучок, расположенный на высоте 3-3,5 м, а нависшие сверху густые ветви надёжно укрывали его.

Несколько раз с шумом совсем близко от нас быстро проносилось семейство диких чёрных кабанов с двумя ещё маленькими детёнышами. Обычно ближе к вечеру рядом с тропой появлялся маленький оленёк. Часто кричали гиббоны, которые, как и белки, любили лакомиться плодами дерева Афзелия. Не менее часто слышался громкий лай мунтжака.

А в канун Нового года порадовал нас своим визитом маленький добродушный лори, который мирно посапывал в ловушке. Когда мы его разбудили, он дружелюбно уставился на нас огромными карими глазами, не торопясь, вышел из ловушки, уселся на руках и совсем не спешил уходить в лес.

Много интересных встреч подарила нам Афзелия. А самое главное, в результате исследований на этом участке ненарушенного тропического леса удалось сделать целый ряд новых выводов.

Оказалось, что только в ненарушенном первичном тропическом лесу популяции двух количественно преобладающих видов (желтолапая белка и рыжая колючая крыса) отличаются сходными значениями основных популяционных показателей (численность, степень оседлости и т.д.). Интересно, что «сходство» экологических показателей мы наблюдали у видов, которые резко отличаются по периодам активности и образу жизни: крыса *M.surifer* активна ночью и обитает на земле, тогда как белка *C.flavimanus* — преимущественно древесный вид, и, наоборот, активна днём. Следовательно, в ненарушенном тропическом лесу изученные популяции двух доминирующих видов грызунов «похожи» друг на друга, что связано, по-видимому, со способностью такого леса обеспечивать их доступными кормами, а также большим набором оптимальных мест обитания.

Только в первичном, ненарушенном тропическом лесу мы обнаружили «динамическое равновесие» между пологом и грунтом: одинаковую посещаемость мелкими млекопитающими и земли, и древесного полога. Это мы показали для Афзелии и подтвердили сравнительными исследованиями на другом, похожем участке леса, который называется Бау Сау (по-вьетнамски «озеро крокодилов»), т.к. вдоль этого леса тянется пешеходная тропа к озеру, где живут крокодилы.

Эти выводы, безусловно, должны уточняться и расширяться в дальнейших исследованиях. Тропический лес и законы его функционирования до сих пор, во многом, остаются неразгаданными.

В целом, знание популяционной экологии тропических грызунов позволяет наметить подходы к познанию закономерностей функционирования тропических экосистем и выяснению показателей их стабильности.

Тот, кто поработал в тропиках Вьетнама, остаётся очарованным ими на всю оставшуюся жизнь. Расставаясь с Вьетнамом, испытываешь чувства, прекрасно описанные Эрнстом Хемингуэем при его прощании с Африкой. «Я хочу сейчас только одного: вернуться в Африку. Мы еще не уехали отсюда, но, просыпаясь по ночам, я лежу, прислушиваюсь и уже тоскую по ней. ...» («Зелёные холмы Африки»).

Желтолапая белка (наверху) и Рис. 19. рыжая колючая крыса (внизу) – два вида грызунов, количественно преобладающих в тропических лесах Южного Вьетнама

Глава 3

О Германе Васильевиче Кузнецове от друзей, близких и родных

3.1 Герман Васильевич Кузнецов

Александр Карэнович АГАДЖАНИЯ, д.б.н., профессор, г.н.с. лаб.
Млекопитающих Палеонтологический институт им. А.А.Борисяка РАН

С Германом Васильевичем Кузнецовым мы познакомились довольно давно и, в общем, случайно.

Июль-август 1958 года – для меня и моих друзей ответственное время. Окончена средняя школа, и мы сдаем экзамены для поступления на Биолого-почвенный факультет Московского государственного университета. Мы – это Слава Ермохин (В.Я. Ермохин, мой школьный друг и товарищ по КЮБЗу), Е.В. Сыроечковский, Е.Г. Сманцер и еще несколько друзей из КЮБЗа. Были еще знакомые ребята из параллельного кружка натуралистов при ВООПе (Всесоюзное общество охраны природы), которым руководил Петр Петрович Смолин. Конкурс высокий – 18 человек на место. Большое психологическое напряжение: каждый абитуриент и все вместе – конкуренты друг другу. В то же время всех объединяет общая «беда», все стремятся стать студентами биофака, но понятно, что далеко не все преодолеют барьер экзаменов. Особая неприязнь к «чужакам», к тем, кого мы не знаем. Однако общие трудности сближают людей. К концу экзаменационной сессии становится ясно, что ни я, ни мой друг Слава Ермохин барьер экзаменов не преодолеем. В круговороте толпы абитуриентов, которая перемещается от одной аудитории к другой, меня находит Слава Ермохин. Он говорит, что познакомился с каким-то парнем, который, как и мы, оказался аутсайдером абитуриентской гонки. Мы встречаемся, знакомимся, парня зовут Герман, имя для меня непривычное. Первое впечатление – человек спокойный, рассудительный и, наверное, надежный. Он выражает готовность присоединиться к нам. Мы

быстро сходимся, переходим на «ты», к новому приятелю обращаемся: «Гера». Позже выяснится, что так звала его мама, Нина Александровна. В дальнейшем большинство друзей Германа Васильевича Кузнецова называли его «Гера».

У нас со Славой Ермохиным уже имелся запасной жизненный план, в реализации которого мы следовали предыдущим поколениям. В предшествующие годы ряд кубзовцев, которым не удалось с первого раза поступить на биофак, выезжали работать в заповедники. Например, в Кавказском заповеднике до поступления в университет работали Леня Баскин, Слава Березин, Боря Антонов, в Кандалакшском заповеднике работали в разное время Витя Павлов и Женя Курочкин. Большинство наших девочек устраивалось работать в родной Московский зоопарк. И мы пошли той же дорогой. В Управлении заповедников нам сказали, что есть места в Алтайском государственном заповеднике. И Слава Ермохин и я в школьные годы работали в медико-биологических экспедициях, которыми руководила Е.В. Карасева, на Алтае: я – в 1956, Слава – в 1957 годах. Мы оба любили Горный Алтай и с радостью согласились ехать работать в заповедник. К нашему удивлению Герман Кузнецов изъявил желание присоединиться к нам. Еще одним «товарищем по несчастью» был хорошо нам знакомый Михаил Черняховский, который был членом ВООПовского кружка и с которым мы иногда пересекались на общих выездах в природу, на лекциях, на заседаниях МОИПа (Московского общества испытателей природы), на олимпиадах Биофака. К нам примкнул еще один вооповец Виктор Рагозин. Как выяснилось позже, интересный, но своеобразный человек.

Здесь необходимо сделать некоторое отступление. Что такое Алтайский государственный заповедник? Что он представлял собой осенью 1958 года? Алтайский заповедник был организован еще в 30-ые довоенные годы. До Великой Отечественной войны он был расположен в приграничной зоне Советского Союза т.к. соседняя Республика Тува не входила в состав СССР. Территория заповедника занимала площадь приблизительно 100X200 км. Объектом охраны было уникальное Телецкое озеро, животный мир этой территории и кедровые леса, покрывающие склоны гор. Охрана заповедника имела на вооружении винтовки, носила военную форму, головные уборы – буденовки. Такой режим охраняемой территории существовал до 1954 года. Но после смерти И.В. Сталина новое руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым решило начать в противоположность «сталинскому», свое «преобразование природы» на новых принципах. Началось освоение целинных земель в Западной Сибири, а для увеличения посевных площадей на юге Европейской части СССР было решено на-

чать вырубку лесополос, появилась идея поворота рек европейского Севера России на юг. Кроме того, руководству страны показалось, что слишком большие площади занимают заповедники и что их надо ликвидировать и начать использовать эти земли под нужды сельского хозяйства, лесной промышленности и для других целей народного хозяйства. Среди прочих был закрыт и Алтайский государственный заповедник. Научные сотрудники разъехались кто куда, сотрудники лесоохраны («наблюдатели» по номенклатуре заповедной системы) подались в города на поиски заработка. Остались на месте лишь алтайские жители – коренные жители Прителецкого региона и русские сибиряки, проживавшие здесь веками. Началась вырубка уникальных кедровых лесов истребление животных. И такое происходило в самых разных уголках страны. Казалось, что все кончено. Однако Господь не дал совершиться такому “черному” делу. В 1954-1955 годах на юге Русской равнины разразилась засуха, которая сопровождалась сильными ветрами – суховеями. В Краснодарском крае, на Кубани, в Ростовской области там, где успели вырубить часть лесных полос, ветры выносили верхнюю часть почвенного слоя вместе с посеянными зерновыми. Там, где защитные лесополосы сохранились, сохранились и посевы. Стало очевидно, что хрущевский план преобразования природы имеет явные изъяны. Была прекращена вырубка лесополос и принято решение о восстановлении заповедников. В 1957 году был восстановлен и Алтайский государственный заповедник. И хотя система заповедника была сильно разрушена, появилась надежда на его возрождение.

Тогда мы, конечно, не знали всех этих деталей и сложностей. Но мы были полны решимости начать новую жизнь, испытать себя, окончательно определиться с будущей профессией, понять и оценить правильность выбранного пути. В конце августа 1958 года, не дожидаясь окончательного решения Приемной комиссии МГУ, мы купили билеты на поезд до Бийска и покинули Москву. С нами ехал и вновь назначенный зам. директора заповедника и замечательный человек Александр Николаевич Филипповский (как выяснилось – кюбзовец предвоенного поколения). От Бийска на грузовой машине мы доехали до поселка Артыбаш. Это пункт, где кончается автомобильная дорога. Это крайняя точка северо-западной оконечности Телецкого озера. Именно здесь вытекает из Телецкого озера Бия, одна из западносибирских рек, которая сливаясь с Катунью, дает начало реке Обь. А нам предстояло двигаться дальше либо таежными тропами по склонам гор, либо по воде Телецкого озера. За нами пришел небольшой «катер» – большая лодка, на которой был установлен автомобильный двигатель. Мы погрузили свои пожитки и тронулись в путь. Телецкое озеро нас всех потрясло. Чистейшая вода, просматриваемая на боль-

шую глубину, хребты, окаймляющие эту гигантскую тектоническую трещину, склоны, покрытые кедрками. Это вдохновляющее зрелище со временем, на протяжении почти года нашего пребывания в Алтайском заповеднике, только нарастало.

Конечной точкой нашего «путешествия» был поселок Яйлю примерно в 26 км от Артыбаша, расположенный непосредственно на берегу озера. Здесь находилось управление Алтайского государственного заповедника, здесь нам предстояло начинать нашу новую жизнь. В первый трудовой день нам дали простенькое задание: переправиться на двух лодках на другой берег озера, загрузить там мох, приготовленный для утепления домов, и доставить его в Яйлю. Ширина Телецкого озера в этом месте достигает приблизительно 5 км при общей его длине более 70 км. Решение поставленной задачи осложняло два обстоятельства. Сильный ветер поднимал большие волны и сносил лодки. Но мы все-таки добрались до нужного места на противоположном берегу. Загрузили лодки мхом, который был очень влажный, и тронулись в обратный путь. Загруженные мхом лодки глубоко осели, и при боковом ветре их стало заливать водой. Тем не менее, мы благополучно вернулись в Яйлю, хотя на берегу уже собрался народ и с тревогой наблюдал за нашими маневрами. Первое испытание мы выдержали.

Фото и комментарии - А.К. Агаджанян: «Телецкое озеро, осень 1958 г»
В конце августа 1958 года несколько неудачников, пытавшихся поступить на Биофак МГУ приехали в Алтайский государственный заповедник, где проработали более 10 месяцев, познавая природу, жизнь и испытывая себя. На фотографии – группа прибывших в поселок Яйлю, где расположено управление заповедника, спустя несколько месяцев.

На склонах уже лег снег, у кромки воды образовались наледи.

А.К. Агаджанян: «Валерий Михлин, Дима Житинев, Гера Кузнецов, Андрей Туймешев Алтайский заповедник»

Снимок сделан зимой 1958-1959 года в Алтайском государственном заповеднике. В. Михлин и Д. Житинев - научные сотрудники заповедника, молодые специалисты, приехавшие на Алтай после окончания вузов (Д. Житинев - из Москвы, В. Михлин - из Воронежа. Г. В. Кузнецов и Андрей Туймешев - числились наблюдателями в составе охраны заповедника. Г.В. Кузнецов приехал осенью 1958 года из Москвы. Андрей Туймешев - коренной алтаец, охотник, таежник, прошедший фронты Великой отечественной войны, был ранен.

Всю осень мы вместе с рабочими хозяйственной части заповедника участвовали в восстановлении пришедшего в полный упадок хозяйства. Каждый был приставлен к какой-нибудь бригаде или конкретному специалисту. Германа Кузнецова и Славу Ерохина направили в группу электриков. Дело в том, что, заканчивая школу, Герман еще в Москве подрабатывал электриком и имел определенные навыки в этой профессии, о чем свидетельствовала привезенная им справка. Аналогичную справку имел и Слава Ерохин

До осени 1958 года в поселке не было электричества. Жители Яйлю обходились керосиновыми лампами и свечами. Герман и Слава под руководством опытного электрика должны были покончить с этим. Источником электроэнергии должен был стать небольшой локомотив, стоявший в сарае, и который был соединен специальным ремнем с генератором. Мои друзья целые дни лазили по столбам, натягивая провода, в домах монтировали проводку, ставили выключатели, веша-

ли лампочки. И хотя Яйлю – поселок небольшой, 2-3 десятка домов, но дома эти сильно разбросаны, и работы всем хватало. Кроме того, надо было реанимировать локомобиль – нечто в виде старинного паровоза. Он имел топку, паровой котел, распределитель пара. Получаемая им энергия подавалась не на колеса, а на большое вращающееся сбоку колесо, которое могло передавать энергию вращения через шкив на что угодно, в том числе, на электрогенератор.

Меня определили к Андрею Туймешеву. Это был алтаец, коренной житель Телецкого озера, прошедший фронт Великой Отечественной войны. К этому времени у него было трое маленьких ребятишек. Он был настоящий таежный охотник, который все умел и был идеально адаптирован к той жизни. Наша «бригада» – Андрей Туймешев и я занимались заготовкой осиновых бревен и изготовлением из них дранки для крыш поселковых домов, которые за последние годы очень сильно прохудились.

Михаил Черняховский и Виктор Рогозин, как и многие другие жители поселка, работали преимущественно на заготовке дров. Надо было обеспечить дровами на зиму все дома поселка и работу нашей «электростанции».

Ингода и Германа, и Славу, и меня тоже посылали на лесозаготовки. Кроме того, т.к. мы не имели своего домашнего хозяйства, часто, в том числе и по воскресеньям, всех нас направляли на разгрузку материалов, приехавших по воде из Артыбаша. За это нам начисляли отгулы, которые мы позднее использовали для охоты.

По началу, мы самонадеянно полагали, что только мы (Слава, Михаил и я), уже познакомившиеся с полевой, экспедиционной жизнью, легко освоим деревенский быт. Но очень скоро мы обнаружили, что этот быт несколько не тяготит и Германа. Лишь позднее мы узнали, что его детство прошло в деревне, и трудности, преодолевать которые мы учились в наших кружках, Герман постигал с рождения.

Детские годы Германа Васильевича Кузнецова прошли на Рязанской земле в селе Ижевское на берегу Оки. Там же, на рязанской земле, прошла и юность его мамы, Нины Александровны. Значительно позднее, уже, будучи довольно зрелым человеком, по приглашению Германа я побывал на его малой родине. Ижевское – большое и когда-то богатое село. В начале XX века в его школе работал учителем К. Э. Циолковский, чем очень гордятся и сегодня жители села. До недавнего времени здесь сохранился дом, в котором жила бабушка Германа и в котором он провел свое детство. Но, даже покинув рязанскую землю, Герман регулярно наезжал в Ижевское. Весной, во время половодья Ока вплотную подходит к селу. На водной глади лишь макушки ку-

стов маркируют линию затопленных берегов, а между ними кормятся огромные станицы перелетных гусей. В доме бабушки были старинные большие иконы, царила атмосфера Руси. Среди друзей Германа были ребята – лихие и опытные рыбаки. Деревенская жизнь, ночевки на Оке у костра были для Германа привычны. Потому и не стала для него проблемой адаптация к жизни на Алтае.

В начале ноября на прителецких склонах лег снег, начиналась зима. Основные хозяйственные работы закончились. Дома стояли под новыми крышами, в поселке появилось электрическое освещение. Приятно было осознавать, что в этом преобразовании был и наш труд. Все дееспособные мужчины взяли накопленные отгулы и ушли в тайгу белковать, добывать белок. Это рассматривалось, как приработок к зарплате и дело – достойное мужчины. Ушли белковать и мы. Каждый пошел в тайгу с тем с кем работал. Миша, Слава и Герман ушли с Володи Пьянковым, местным парнишкой, нашим сверстником. Я ушел белковать с Андреем Туймешевым. Разумеется, для добычи белок все переправлялись на другой, не заповедный берег Телецкого озера. Мы с Андреем ушли довольно далеко от берегового района и обосновались под кедрой в одном из таежных распадков. За шесть дней Андрей добыл около 50 белок, я добыл 6. Шкурки хранились отдельно, как основной результат нашей охоты, а тушки белок пойманных Андреем откладывали, как гостинец для его семьи. Тушки моих белок служили существенным дополнением наших съестных припасов.

Вернулись в Яйлю мы с Андреем 7 ноября. По случаю праздника очередной годовщины Октябрьской социалистической революции директор заповедника Василий Васильевич Криницкий собрал научных сотрудников за одним столом. Были приглашены и все мы. После ночевки в снегу под кедрой оказаться за столом, при свете электрических лампочек, в кругу высокочтимой публики и своих друзей было, конечно, удивительно.

После праздников нас перевели из хозяйственной части в научную. Мы получили должности лаборантов. Герман выделялся среди нас тем, что он аккуратен и точно вел необходимые записи.

Установился устойчивый снежный покров. Однажды выйдя из дома, я увидел, что Герман, раздобыв где-то лыжи, бежит, точнее, скользит на них вдоль улицы. Я был потрясен тем, как красиво, профессионально, легко и быстро он бежал на лыжах. Конечно, мы все в период своих юннатских походов часто и помногу ходили на лыжах. И, разумеется, считали себя «специалистами». Однако, наблюдая за Германом, я понял, что все наше умение – сплошное дилетантство. И уж, по крайней мере, в лыжах, Герман на голову нас превосходит. Я дал себе

зарок, научиться бегать на лыжах так, как Герман. Позднее, поступив в институт, я записался в лыжную секцию и занимался в этой секции до самого окончания университета и даже позднее участвовал в различных соревнованиях районного масштаба. И в дальнейшем лыжи играли большую роль в моей жизни. За все это я благодарен судьбе, которая свела меня с Германом. Всегда, все, чем занимался Герман, он доводил до профессионально уровня.

В течение ноября под руководством научных сотрудников мы принимали участие в изучении фауны Алтайского заповедника. Нашу работу курировали молодые научные сотрудники (Валерий Михлин, Дмитрий Житенев, Регина Кожевникова, Лидия Петровна Брысова, Дулькейт, Иван?). По-видимому, убедившись, что каждый из нас способен самостоятельно проводить наблюдения, дирекция приняла решение расселить нас по кордонам. Виктора Рогозина направили на самый западный кордон, который был расположен в Артыбаше, Славу Ермохина послали в самый южный и самый удаленный кордон Чири в 48,5 км от Яйлю, рядом с устьем реки Кыга, которая впадает в Телецкое озеро, Германа Кузнецова поселили на кордоне, расположенном в устье р. Камга, сравнительно недалеко от Яйлю: примерно в 10 км «по прямой», т.е. по воде. Я попал на кордон в устье речки Челюш, который был удален и от управления заповедника в Яйлю чуть более чем на 32 км и от верховьев озера, т.е. кордона Чири, где обосновался Слава Ермохин. От Челюши до Чири около 16 км.

Мы оказались в домах и, следовательно, в семьях наблюдателей — сотрудников охраны Алтайского заповедника. Герман жил в семье Атука Козагачева. Семья состояла из двух человек: самого хозяина кордона и его жены Лизы. Третьим в этой компании стал Герман. В нашу задачу входило проводить фенологические наблюдения и периодически доставлять их в научный отдел, для пополнения информации в «Летопись природы», документ, который должен был регулярно вести каждый заповедник. Кроме того, мы должны были участвовать вместе с наблюдателями охраны в многодневных обходах заповедной территории, закрепленной за каждым наблюдателем. Зимой в районе Телецкого озера большая высота снежного покрова. Передвигаться в маршрутах можно только на лыжах. Так как склоны хребтов очень крутые, передвигаться в тайге можно только на лыжах, подбитых камусом. Для изготовления камуса используется шкура, покрытая шерстью нижней части конечности копытных, преимущественно лошадей. Это позволяет преодолевать склоны, практически, любой крутизны. При этом на лыжах используются ременные крепления, а не железные. Разумеется, Герман очень быстро освоил эти лыжи.

Примерно раз в месяц мы собирались в Яйлю, чтобы передать накопленные материалы в научную часть, получить, зарплату и письма из дома, закупить продукты, обменяться впечатлениями жития на кордонах. Герман с теплотой и мягким юмором рассказывал о своих «опекунах» – Атуке и Лизе. Посещение Яйлю было делом совсем не простым. От кордона, где жил Герман, еще была тропа через хребты до Яйлю, но от Кыги, Беле, Челюши горных троп не было. Единственный способ передвижения – лодкой по воде. Дело в том, что Телецкое озеро в своей основной субмеридианальной части не замерзает зимой, что связано с сильными ветрами, которые постоянно дуют вдоль каньона озера с ноября по март-апрель. Поэтому, даже зимой, несмотря на морозы, дорога до Яйлю по воде открыта. Основным видом транспорта оставалась лодка, чем мы все, обитатели кордонов, и пользовались. К западу от Яйлю долина озера резко поворачивает на запад. В этой части ветры значительно тише и зимой здесь устанавливается ледяной покров, который позволяет передвигаться от Артыбаша до Яйлю на телегах, запряженных лошадьми.

Передвижение по льду пешком на десятки километров задача совсем не простая. Оно таит много сложностей, трудностей и опасностей. Тем не менее, Герман и все мы регулярно преодолевали путь кордон–Яйлю–кордон. Трудности возникали не только у людей, но и животных. Лошадям меняли летние подковы на зимние. Забавно бежали по льду собаки, особенно молодые. А вот с коровами было совсем плохо. Герман рассказывал, что однажды Атук и Лиза при участии Германа должны были перегнать корову по льду через заливчик у кордона. И хотя копыта коровы были обвязаны тряпками, ноги бедного животного разъезжались в стороны, она, практически, не могла сдвинуться с места и редела от переживаний. Этот эпизод я часто рассказываю студентам на лекциях, как пример издержек высокой специализации локомоторного аппарата копытных. Были случаи и пострашнее. Однажды мы со Славой Ермохиным и другими наблюдателями дальних кордонов в конце зимы возвращались из Яйлю на свои кордоны. У границы замерзшей части озера и открытой воды лошадь с санями провалились под лед. Пришлось спасать и лошадь, и груз. К счастью, в тот раз никто не погиб. Но так бывало не со всеми и не всегда.

Зима кончалась. На озере стали стихать бури. По крутым ущельям горных хребтов в озеро с грохотом скатывались снежные лавины. Волны от падающих снежных масс расходились кругами и достигали противоположного берега озера. На склонах появились огромные розовые шапки облаков, это зацвел даурский рододендрон, веточки которого в апреле продают на улицах Москвы под названием «багуль-

ник». В пихтачах и ельниках засвистели токующие рябчики. Выше по склонам, в кедрачах, затоковали глухари: тэк, тэк, тэк...раздается на вершине сосны и, вдруг, своеобразный скрежет, передать который невозможно буквами. При этом глухарь вытягивает шею и трясет своей бородой.

Весной 1959 года в заповеднике появились новые научные сотрудники. Среди них – лесовод из Воронежа. Начались работы по бонитировке лесных массивов. На помощь сотрудникам лесоохраны направили и нас. Те из нас, кто жил на кордонах, помогали своим хозяевам подготовить огороды под посадку картошки и других овощей. Жизнь продолжалась. Надо было закладывать основы продуктового благополучия будущей зимы. Заканчивалась наша спокойная и размеренная жизнь. Надо было готовиться к отъезду в Москву. Нас ждали новые абитуриентские экзамены. Работа и жизнь на Телецком озере лишь укрепили желание учиться на Биологическом факультете МГУ.

В начале июня, окрепшие душой и телом, обогащенные навыками таежной жизни и жизни вообще, убежденные в правильности выбранного пути, мы прощались с Телецким озером. Есть фотография, на которой мы, включая и Германа, сидим грустные и понурые, ожидая отплытия из Яйлю в Артыбаш и далее на машине до Бийска и поездом до Москвы.

Три дня пути пролетели незаметно, и вот мы на перроне вокзала в Москве. Нас встречали наши близкие, мамы прежде всего. Мы сильно изменились, особенно Герман. Расширились плечи, тверже и уверенней стала поступь. Герман легко нес на плечах какой-то огромный сверток. Сам он прокомментировал это так: «Молодежь Алтая на улицах Москвы».

Все мы приемные экзамены сдавали значительно лучше, чем в предыдущий раз. Но у Германа и Славы Ермохина было преимущество, т.к. у них за плечами по документам был двухлетний рабочий стаж. Они и стали студентами. Мы с Михаилом Черняховским, недобрав по одному балу, не прошли по конкурсу.

Наши дороги на время разошлись, но дружба с Германом только укреплялась. Отчасти, этому способствовала взаимная симпатия наших матерей. Нина Александровна, мама Германа, и моя мама, Ольга Борисовна, познакомились и поддерживали связь друг с другом в период нашей жизни на Алтае. И в дальнейшем они очень тепло относились друг к другу и постоянно общались. Нина Александровна была очень добрым человеком. Всю жизнь она проработала на Химическом факультете Московского университета. Друзья и поклонники называли ее рязанской мадонной. Один из них иногда исполнял известную

песню со словами «Рязанские мадонны – солдатки в двадцать лет». Это как раз про Нину Александровну. Поводом для этого были вечера, которые проходили периодически на квартире Кузнецовых. Нина Александровна замечательно готовила, охотно угощала своих друзей, а позже и друзей сына. Вершиной ее кулинарного творчества были торты. Она их готовила с вдохновением и выдумкой. Каждый такой кулинарный шедевр имел свое постоянное название. Один из них, например, высотой 25–30 см, назывался «Шапка Мономаха». Про вкусовые свойства этих произведений искусства говорить уже не приходится.

В 1959–1960 годах оформился триумvirат. В него вошли Герман Кузнецов, Женя Матюшкин и я. С Женей Матюшкиным мы подружились еще в 1957 году, во время экспедиции КЮБЗа в Кивачский заповедник в Карелии. В дальнейшем и на протяжении всей жизни наша дружба только углублялась и крепла. После Алтая я познакомил Женю и Германа. Они показались друг другу интересными и, как-то незаметно, нас стало трое. И этот «тройственный союз» сохранялся до конца жизни моих друзей. Мы были очень разные, но что-то нас роднило.

Иногда мы собирались втроем и обсуждали волнующие нас проблемы. Местом встречи могло быть недорогое кафе. Чаще мы собирались у Геры, который имел маленькую комнатку в коммунальной квартире старого двухэтажного дома на Бульварном кольце, рядом с Трубной площадью. Комнатка была маленькая, огороженная от общей кухни тоненькой перегородкой. В ней едва умещалась кровать и маленький столик. Темы наших дискуссий были самые разные: от проблем развития биологической науки и политики, до личностных взаимоотношений. Обсуждали вопросы охраны природы, судьбы Байкала, поворота северных рек на юг и др. Активными участниками дискуссий были Гера и Женя. Оба темпераментно, но совершенно по-разному излагали свою позицию. Женя – пламенно, Герман – внешне спокойно с мягким юмором. Я был самым инертным в следствии лени мысли. Иногда, комментируя какой-нибудь факт или событие, Герман, цитируя Дмитрия Карамазова, философски произносил: «Реализм русской жизни, господ». Я, разумеется, хорошо знал «Братьев Карамазовых», и среди его персонажей были у меня и любимые герои. Однако именно благодаря Герману, я как-то глубже вник в философию Ф.М. Достоевского. И в дальнейшем, как и Герман, вынужден был иногда констатировать про себя или вслух: «Реализм русской жизни, господ».

Я вырос в переулках между Малой Никитской, Гранатным переулком и Большой Бронной. Мои дворовые приятели, сверстники и, уж конечно взрослые, в полной мере владели лексическим богатством русского языка, в том числе и ненормативным. Это богатство было

не чуждо и мне. На лесосеках Алтайского заповедника и в других местах, где мне приходилось работать, слышать и употреблять самому этот словарный запас довольно часто. Подобная лексика была в ходу даже в студенческой среде. Однажды мы встретились с Германом на Биофаке после довольно долгой разлуки. Я бросился к нему, выражая свою радость словами, которым не место в печатных изданиях. Герман посмотрел на меня как-то удивленно, прохладно и отстраненно. Я почувствовал обиду с его стороны, но не понял, чем она вызвана. Вскоре именно Женя Матюшкин объяснил мне, что Геру обидела моя развязность, панибратский тон и, тем более, ненормативная лексика. Сам Герман никогда не нарушал норм литературного русского языка. Для меня это было большим и очень важным уроком. С тех пор я, почти никогда, не прибегаю к словам за пределами литературной традиции, за что бесконечно благодарен другу.

Наше общение не ограничивалось разговорами. За время учебы в университете было организовано несколько преимущественно зимних экспедиций во время студенческих каникул. Я участвовал в двух таких экспедициях: на Удору и на Большой Балхан. Основным стратегом, как правило, выступал Женя Матюшкин, техническую сторону предприятия обычно обеспечивал Герман. Моя роль была роль балласта, на который в случае чего можно было положиться. Женя учился на каф. Биогеографии Географического факультета МГУ, Гера – на каф. Зоологии позвоночных Биологического факультета МГУ, с опозданием на два года я начал учиться на той же кафедре, что и Герман. Наши подходы и устремления в естествознании были несколько различны, и, я думаю, что именно благодаря этому в экспедициях интересы и усилия каждого гармонично дополняли друг друга.

Первая поездка состоялась зимой 1962 года. Женя раздобыл адрес и списался с охотоведом по фамилии Сичкарук, который жил в поселке Кослан Республики Коми на реке Удора. Сичкарук согласился нас принять, но просил закупить и привезти ему какие-то кабели, лампы, диоды и др. Он был радиолюбитель и собирался усовершенствовать свою радиоаппаратуру. Здесь проявилась образованность Германа в области электротехники и радиоэлектроники. Он хорошо знал, где и что можно найти, и закупил нужные провода, лампы и прочее. Закупив продукты, сдав зимнюю сессию и купив билеты, мы (Герман, Женя и я) погрузились в плацкартный вагон поезда Москва-Котлас-Воркута. Через сутки, ночью мы выгрузились на станции Княж Погост. Платформы нет, выбрасываем вещи и прыгаем сами прямо на землю. Кругом тьма, метет пурга, в свете единственного фонаря мелькают снежинки и забор с колючей проволокой. Ночуем в небольшом стан-

ционном домике. Утром на небольшом автобусе добираемся до «аэропорта». Ровное заснеженное поле, будка, где можно купить билеты, и готовый к вылету работяга АН-2. Летим над заснеженными лесами, которые прорезают неширокие долины рек, естественно, скованные льдом. До Кослана по прямой 137 км. Наконец, самолет делает разворот и, поднимая снежную пыль своими лыжами, садится на широком поле, окруженном тайгой. Кослан – большое село на правом берегу реки Мезени, притока Печоры. Типичный русский север. Большие добротные дома стоят высоко на подклетьях, окна украшают узорные наличники, топят печи, в сенях стоят кадки с моченой брусникой. Кругом чистый, глубокий снег. Охотовед Сичкарук – довольно молодой мужчина, бывший летчик. Его жена – миловидная женщина, которая ведет хозяйство и руководит домом. Главная персона в семье – сын, первоклассник Валерка.

Рано утром трогаемся в путь. До первой таежной избушки нас провожает сам Сичкарук. Передвигаемся, разумеется, на лыжах. На следующее утро Сичкарук возвратился в Кослан, мы остались втроем. Проложили длинную в несколько километров петлю по тайге и начали вести заметки по следам, отрабатывая методику тропления и учета. Герман и я были лучше подготовлены к существованию в зимних таежных условиях. А Женя лучше нас знал голоса птиц, что очень важно при учетах. Следы млекопитающих мы все знали достаточно хорошо. Но при дешифровке поведения конкретного зверя в конкретной ситуации возникают определенные трудности, особенно по глубокому и рыхлому снегу. Здесь приходится кооперировать знания и опыт каждого из нас. Через 5-6 дней, получив представление о структуре животного населения районов тайги, прилегающих к избушке, решаем двигаться дальше на север. Собираем рюкзаки и вперед. На вершинах елей очень красиво поют белокрылые клесты, у них начинается гнездовой период. Лыжню торим по очереди. В конце дневного перехода лес становится реже. Ели стоят в десятках метров друг от друга, не слышно никаких птиц. Разгребаем под разлапистой елью снег и устраиваемся на ночевку. На следующий день – еще один переход, и мы поворачиваем обратно. В обжитую нами избушку не возвращаемся. Двигаемся по карте в сторону законсервированного домика лесхоза, выходим на него и ночуем в комфортных условиях. Наше время истекает, пора двигаться на Кослан. Нас провожают звонкими трелями клесты. Обратно тем же путем: Кослан–«аэропорт» Кослана–Княж Погост. Покупаем билеты, какие есть в кассе, грузимся, общий вагон, люди лежат вповалку на полках. Трезвые далеко не все. Еще сутки, и мы в Москве. Очередная «закалка» окончилась. Результаты поездки – приобретение опыта зимних учетов животных и птиц.

В зимние каникулы 1962 года Е.Н. Матюшкин, Г.В. Кузнецов и А.К. Агаджанян совершили экспедицию на север Европейской части Русской равнины в таежный массив по р. Удоре, притоку р. Мезени. На поезде доехали до станции Княжий погост. Это между Котласом и Воркутой. Затем летели на местном самолете до пос. Кослан. От Кослана на лыжах двинулись в глубь тайги на несколько десятков километров, где 10 дней жили в таежной избушке, проводя учеты и тропления животных и птиц.

*Фото и комментарии - А.К. Агаджанян: «Удора 1962»
В тайге на Удоре, передвигаемся по маршруту.*

*Фото и комментарии - А.К. Агаджанян: «Удора 1962 Г. Кузнецов»
Утро на Удоре. Справа сидит на пне Г.В. Кузнецов, слева смотрит в бинокль А.К. Агаджанян. На заднем плане – таежная избушка.*

Фото и комментарии - А.К. Агаджанян:

«Удора 1962 Е. Матюшкин, Г. Кузнецов»

В тайге на Удоре перед маршрутом. Крайний справа стоит – Г.В. Кузнецов, в центре стоит – Е.Н. Матюшкин.

Фото и комментарии - А.К. Агаджанян: «Koslan 1962»

На фотографии: Г.В. Кузнецов при выгрузке нашего экспедиционного имущества на аэродроме пос. Кослан.

Другая наша зимняя поездка по предложению Жени Матюшкина состоялась в Туркмению. В подготовке этой экспедиции очень большую роль опять сыграл Герман. Ему удалось получить финансовую поддержку от МОИП. Женя и Герман уже учились на третьем курсе. Регулярно бывали на заседаниях МОИПа и были заметными фигурами среди московских естествоиспытателей. Секретариат общества принял проект Г. В. Кузнецова и выделил нам деньги на реализацию поездки, целью которой была посещение Большого Балхана.

Большой Балхан – небольшая горная система в Прикаспийской пустыне. Она представляет собой куэстовую гряду, протяженностью немногим более 70 км и шириной около 20 км, вытянутую с северо-запада на юго-восток. Ее северо-восточный край обрывается почти вертикальной стеной, высота которой около 2 км (1880 м) над уровнем моря, а фактически именно над дном древнего Каспия, что представляет собой окружающая равнина. Противоположный край куэсты полого опускается на юго-запад.

Еще в Москве запасаемся документами. Женя посещает полпредство Туркмении в Москве. Уточняет имена и адреса местных руководителей, детали и возможные трудности предстоящей экспедиции. Получает письмо к местным органам власти. Герман договаривается в секретариате МОИП и получает письмо в адрес местного органа власти с просьбой о поддержке нашей экспедиции. В дальнейшем оба письма нам очень помогли.

Но время не стоит на месте, мы изменились. У Жени Матюшкина появилась любимая девушка – Люся Кулешова. Она училась вместе с Женей на кафедре Биogeографии Географического факультета МГУ. Они собирались пожениться. Без каких-либо возражений Люся была включена в нашу компанию и вошла в состав запланированной экспедиции. Теперь нас стало четверо. Мы закупили продукты, подготовили снаряжение и тронулись в путь.

Поездом доехали до станции Джебел – небольшого поселка в Прикаспийской пустыне. Посещаем местное руководство, выкладываем письма. Нам помогают нанять вьючный транспорт: двух ишаков. Одна из них – почтенная мамаша, способная взять на себя часть нашего груза. Второй – молодой ишак, ее прошлогодний сын. Их сопровождает третий ишачок, недавно родившийся сын нашей матроны. Он бодр и периодически пытается сосать мамашу. На подготовку отряда ушло 2–3 дня. Рюкзаки упаковали с вечера и рано утром, завьучив нашу ослицу, покинули Джебел и тронулись в путь. Для нас, прибывших из заснеженной Москвы, непривычно тепло. Идем по дну плиоценового моря, под ногами крупные раковины морских моллюсков, помет впол-

не современных верблюдов и жаворонки, которые поют, сидя на небольших камнях или кучках навоза. Двигаемся вдоль пологого склона куэсты. Но даже здесь стена древних отложений составляет несколько десятков метров, что непреодолимо ни для нас, ни для ишаков. Наконец, пользуясь картой и наставлениями жителей Джебела, находим неширокий проход, по которому можно подняться наверх. Здесь расположен родник, заполняем припасенные канистры и начинаем подъем. Герман, как заправский гуртовщик, тянет нашу завьюченную матрону. Не меньше навьючены и мы. Поднимаемся на плато, выбираем место для лагеря, разбиваем палатку. Наша задача — провести инвентаризацию зимнего населения этого уникального острова посреди пустыни. Поверхность плато занимает степная растительность, но по логам лесные массивы арчи. Герман занимается преимущественно крупными млекопитающими, Женя и Люся проводят наблюдения и учет птичьего населения, я расставляю ловушки и выполняю учет мелких млекопитающих. Разумеется, многое мы делаем вместе. Вместе решаем и бытовые проблемы. Имея немалый полевой опыт, каждый из нас вполне справляется с поварскими обязанностями. Но у Геры особый, свой подход. Уже давно он приобрел редкую и довольно толстую книгу «Справочник путешественника и краеведа», написанную известным естествоиспытателем и геологом — Обручевым. В ней есть все: и как сделать непромокаемой одежду и обувь, как выючить лошадей, разводить костры, готовить еду в полевых условиях и т.д. Эти инструкции Гера пытается использовать в реальной ситуации, он все делает фундаментально. Мы иногда над ним подшучиваем: «Сегодня варим гречку по Обручеву». В ловушки вместе с другими зверьками попадает уникальный для нашей фауны хомячок Каламискус. Его ближайшие родственники живут в Америке. Из крупных млекопитающих на плато живут архары и мустанги, одичавшие лошади, на отвесных склонах — горные козлы. Среди птиц много дроздов, прилетевших на зимовку с равнин Сибири, есть и местные обитатели сухих степей и арчевников. В воздухе парят диковинные для нас сипы. Весь добытый и собранный материал описываем, измеряем, препарируем и готовим для передачи в коллекцию Зоологического музея МГУ. Часть материала будет передана на кафедру Биogeографии Географического факультета МГУ. Собираем черепа убитых когда-то браконьерами архаров, их набирается около десятка. Возникает проблема доставки груза вниз, в Джебел. Правда, наш багаж полегчал: нет нужды тащить воду, съедена большая часть продуктов, с нами наши ишаки. Кстати, они тоже требуют заботы, прежде всего воды, которую мы периодически доставляем снизу. И вот, загрузив черепами и другими материалами свои рюкзаки и наших

ишаков, движемся вниз. Джебела достигаем с одной ночевкой. С боем штурмуем проходящий поезд и едем в Москву. Сбранного материала, и не только коллекционного, но и дневниковых записей, очень много. Это позволяет подготовить статью по результатам экспедиции, которая была опубликована в Бюллетене МОИП.

*Фото и комментарии - А.К. Агаджанян: «Б. Балхан 1963 Утро на плато»
Утро на плато Большого Балхана. Крайний справа – Г.В. Кузнецов, крайний
слева – А.К. Агаджанян, в центре Л.В. Кулешова (будущая жена Е.Н. Ма-
тюшкина). В левой части кадра – ишаки, наш вьючный транспорт.*

*Фото и комментарии - А.К. Агаджанян: «Б. Балхан впереди»
Зимняя студенческая экспедиция 1963 года. Двигаемся по древнему дну
Каспийского моря – пустыня Кара-Кум, впереди подъем на орографическую
структуру Большой Балхан. Крайние слева – ишаки, наш вьючный транс-
порт. Крайний справа – А.К. Агаджанян, в центре – Г.В. Кузнецов.*

Дальнейшая жизнь, учеба и научные интересы неизбежно приводили нас к расхождению наших профессиональных путей. Но наша дружба только укреплялась. Лично я больше не участвовал в общих с Герой дальних экспедициях. Но Герман и Женя работали вместе на Памире, в Хекцирском заповеднике Хабаровского края, в Армении. Они рассказывали мне об этих поездках много интересного, а, иногда, и забавного.

После окончания Московского университета Гера распределился и начал работать в Институте эволюционной морфологии животных им. А.Н. Северцова. Женя с Люсей уехали работать в Сихотэ-Алинский заповедник, я был распределен на каф. Палеогеографии Географического факультета МГУ, где начал заниматься палеонтологией. Спустя несколько лет, Женя с Люсей вернулись в Москву. Женя поступил в аспирантуру на каф. Биogeографии, а защитив кандидатскую диссертацию, начал работать в Зоологическом музее МГУ. Герман до конца жизни проработал в своем институте. При этом, однако, менялись направления его исследований и регионы: от Валдая до Вьетнама, от суточной активности млекопитающих, до структуры населения тропических лесов Вьетнама. Но наша дружба продолжалась, а взаимопонимание только росло и углублялось.

В 1973 году по инициативе академика В.Е. Соколова было принято решение о создании в Советском Союзе териологического общества, задачей которого было объединение специалистов, занимающихся изучением млекопитающих. Это было крупное событие в истории отечественного естествознания. На первом съезде общества Владимир Евгеньевич Соколов был избран президентом Териологического общества. По его настоянию ученым секретарем общества был назначен наш друг - Герман Васильевич Кузнецов. Секретарем общества стала Татьяна Ивановна Дмитриева, тоже выпускница каф. Зоологии позвоночных Биофака МГУ. На плечи этих двух человек легла большая и ответственная работа по организации и дальнейшему становлению Териологического общества. Между Германом и Татьяной Дмитриевой сложились теплые и дружеские отношения, которые сохранялись на протяжении всей последующей жизни.

Со временем Гера защитил диссертацию и подготовил к изданию очень интересную и важную монографию о суточной ритмике млекопитающих. Позднее у него возникла необходимость оставить пост ученого секретаря Териологического общества. В.Е. Соколов не возражал, но требовал найти подходящую замену. Герман предложил мою кандидатуру. Я дал согласие. На этой должности мне пришлось тесно сотрудничать и ближе познакомиться с секретарем общества Т.И. Дмитриевой. Решение общих задач сближает.

В 2003 году внезапно скончалась моя жена Маргарита, с которой мы прожили 37 лет. Психологически я повис в безвоздушном пространстве. Все рухнуло. Кроме того, у меня «на руках» была моя внучка Маша, школьница начальных классов. Приблизительно год я пребывал в таком состоянии. Но было очевидно, что так дальше нельзя. Да и крест монашества для меня оказался не по силам. К этому времени Т.И. Дмитриева была свободна, и я предложил ей начать новую совместную жизнь. Некоторые подруги стали ее отговаривать от столь резкой смены образа жизни. Да и сама она не торопилась принять мое предложение. Именно в этот момент Герман, человек, которому Татьяна Ивановна доверяла, и человек, который хорошо меня знал, самым твердым образом рекомендовал ей согласиться с моим предложением. Прошла весна, лето, осень, я вернулся из очередной экспедиции, и Танечка сдалась. Мы обвенчались. Скоро будет уже 20 лет нашему союзу, у истоков которого был наш Гера.

3.2 Памяти Германа Васильевича Кузнецова (1.09.1940 – 1.05.2022). Владимир Бобров

1 мая 2022 года ушел из жизни Герман Васильевич Кузнецов, один из участников самой первой экспедиции в рамках советско-вьетнамского сотрудничества в 1979 году, и один из главных специалистов по биоразнообразию Вьетнама, внесший неоценимый вклад в его познание.

С целью глубокого и всестороннего изучения животного мира как важного элемента тропических лесов в конце 1979 года Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР (ныне – Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН) в сотрудничестве с Институтом биологии Национального центра научных исследований (НЦНИ) СРВ организовал работу по изучению фауны и биологических ресурсов Вьетнама (об истории этих работ см.: Бобров, 2017).

Первоначально все исследования проводились на стационаре Буон Лыой на плато Тай Нгуен в тогдашней провинции Зя Лай – Кон Тум (ныне – провинция Зя Лай). В составе этой первой экспедиции принял участие и Герман Васильевич. По результатам работ был издан сборник (Животный мир Вьетнама, 1982), открывала который статья, обобщающая результаты териологических исследований в этой

стране, одним из соавторов которой стал Г.В. Кузнецов (Соколов и др., 1982). С тех пор Герман Васильевич участвовал во всех подобных экспедициях, по результатам которых публиковались новые статьи, в том числе первый список млекопитающих этой страны (Соколов и др., 1986). Новый мощный импульс советско-вьетнамским исследованиям биоразнообразия Вьетнама придало создание Совместного Советско-Вьетнамского (ныне – Российско-Вьетнамского) Тропического центра (об истории создания и функционирования этой уникальной организации см.: Бобров, 2020).

С 1996 года Тропцентр начал серию комплексных зоолого-ботанических экспедиций, в каждой из которых также принимал участие и Герман Васильевич. В результате обобщения, собранных им за долгие годы работы во Вьетнаме данных, он успешно защитил докторскую диссертацию (Кузнецов, 2003), а вскоре опубликовал монументальную монографию «Млекопитающие Вьетнама» (Кузнецов, 2006), которая на долгие годы стала настольной книгой для всех териологов, работающих во Вьетнаме, а также и для специалистов по другим группам животных.

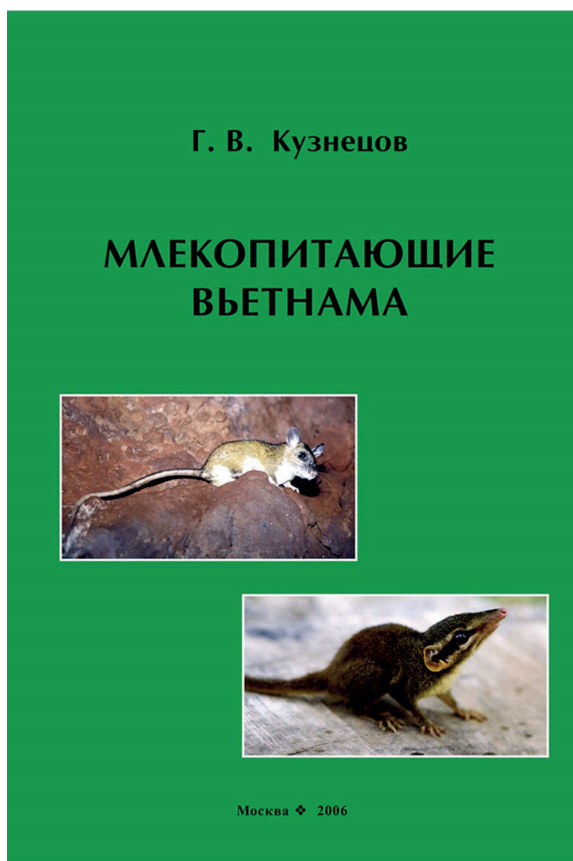
Г. Кузнецов и Фан Лыонг (Sa Pa-1996) (Фото Рожнова)

Г. Кузнецов и В. Рожнов (Sa Pa-1996) (Фото Рожнова)

На вершине Фан Шци Пана (Sa Pa-1996) (Фото Рожнова)

Млекопитающие Вьетнама, монография Кузнецова Г.В.

В книге приводится систематический обзор более 300 видов млекопитающих, анализируется таксономическое разнообразие, структура фауны млекопитающих и их зоогеографические связи. Дано описание видового разнообразия локальных фаун, в том числе, в связи с вертикальной поясностью. Рассмотрены возможные пути формирования фауны млекопитающих Вьетнама. Показано воздействие современной антропогенной трансформации ландшафтов на разнообразие фауны и экологию млекопитающих Вьетнама. Наиболее подробно изложены материалы, посвященные влиянию антропогенных факторов на устойчивость различных видов грызунов, которые могут быть использованы для мониторинга за современным состоянием тропических лесов, что придает книге большую практическую ценность.

В начале 2000-х гг. Герман Васильевич вместе с супругой, Татьяной Николаевной Филатовой, и автором данной статьи несколько лет находился на постоянной работе в лаборатории общей и прикладной экологии Южного отделения Тропцентра в г. Хошимин, и за эти годы мы с ними побывали во многих районах Южного Вьетнама, где про-

водили долгие недели и даже месяцы в глубине тропических лесов. По результатам этих исследований он опубликовал около сотни статей, каждая из которых становилась заметным вкладом в познание фауны этой страны.

Надо отметить, что в одном из сборников Герман Васильевич написал статью, посвященную величайшему зоологу Вьетнама - Дао Ван Тьену (Кузнецов, 1998), на трудах которого выросло не одно поколение вьетнамских ученых, и в этой статье он проявил себя как мастер биографического исследования.

В последние годы, уже после возвращения на Родину, Герман Васильевич уделял также большое внимание популяризаторской деятельности. С 2009 по 2015 гг. в соавторстве со своей супругой он опубликовал 6 статей в научно-популярном журнале «В мире животных», посвященных природе и животному миру Вьетнаму, в том числе о желтолапой белке (*Callosciurus flavimanus*), которая, будучи спасенной маленьким бельчонком, жила у них дома, став практически ручной (Кузнецов, Филатова, 2010). Это именно она изображена на прилагаемом фото.

И, наверное, символично, что последняя статья Германа Васильевича (Кузнецов, Филатова, 2015) посвящена городу, в котором он провел, возможно, лучшие свои годы в профессиональной карьере, неразрывно связанной с этой замечательной страной, в которой он оставил не просто частичку, а большую часть своего сердца.

Список литературы

Бобров В.В. Российско-Вьетнамский Тропический центр – уникальный пример двустороннего сотрудничества // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 236–252.

Бобров В.В. Совместные российско-вьетнамские исследования наземных экосистем Вьетнама // Вьетнамские исследования. Вып. 7. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 387–407.

Животный мир Вьетнама / отв. ред. Л.Н. Медведев. М.: Наука, 1982. 168 с.

Кузнецов Г., Филатова Т. На улицах Сайгона // В мире животных. 2015. № 5. С. 36–39.

Кузнецов Г., Филатова Т. О белке Маше из тропического леса Вьетнама // В мире животных. 2010. № 8. С. 4–11.

Кузнецов Г.В. Млекопитающие Вьетнама. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 420 с.

Кузнецов Г.В. Млекопитающие Вьетнама: эколого-фаунистический анализ. Автореф. дисс. ... докт. биол. н. М., 2003. 47 с.

Кузнецов Г.В. Памяти профессора Дао Ван Тьена // Материалы зоолого-ботанических исследований в горном массиве Фансипан (Северный Вьетнам) / отв. ред. Л. П. Корзун и М. В. Калякин. М.–Ханой, 1998. С. 283–285.

Соколов В.Е., Кузнецов Г.В., Данг Зуй Хунь, Као Ван Шунг, Фам Чонг Ань. Таксономический список видов млекопитающих фауны Вьетнама // Фауна и экология млекопитающих и птиц Вьетнама / отв. ред. В.Е. Соколов. М.: Наука, 1986. С. 5–14.

Соколов В.Е., Кузнецов Г.В., Као Ван Шунг, Данг Зуй Хунь. Теримологические исследования во Вьетнаме // Животный мир Вьетнама / отв. ред. Л.Н. Медведев. М.: Наука, 1982. С. 5–22

Млекопитающие Вьетнама, монография Кузнецова Г.В.

Млекопитающие Вьетнама, монография Кузнецова Г.В.

Млекопитающие Вьетнама, монография Кузнецова Г.В.

Млекопитающие Вьетнама, монография Кузнецова Г.В.

*Дамсен**В руке у Г.В. Кузнецова ловушка с пойманной виверрой*

Чистит уши

3.3 Баскевич Марина Ивановна. Памяти Германа Васильевича Кузнецова

Я познакомилась с Германом Васильевичем в 1976 году на Валдае. Тогда он уже был известным, хотя и молодым зоологом, признанным членом териологического братства, куда мне, как слепому кутенку, еще только предстояло войти. Я приехала в свою первую в жизни экспедицию, не зная о полевой жизни абсолютно ничего и, честно говоря, всего побаиваясь: дикой природы, зверей (включая объект исследования), и даже плохо знакомых людей... В эту тревожную неизвестность меня сопровождал муж. Добравшись до валдайской цели на перекладных, мы попали не просто к новым друзьям, мы оказались в семье. Нас желторотых окружили вниманием и заботой. Помогли поставить палатку, нашли для нас паяльную лампу, поделились секретами своих зоологических наработок, а Герман Васильевич (тогда просто Гера) все потчевал нас собственноручно приготовленными вкуснейшими грибами... Герман Васильевич стал первым, кто открыл для меня новый мир познания природы, научил не бояться трудностей полевой жизни. Герман Васильевич, совместно с работающими в тот год на Валдае коллегами, Мишей Глазовым, Колей Чернышовым, стали моими первыми экспедиционными наставниками: научили быть ПЛЕЧОМ для окружающих, и тогда не страшны ни дождь, ни отсутствие в отловах нужных зверьков, ни поломка экспедиционной машины и т.д. и т.п. за что я им, и в первую очередь, Герману Васильевичу, очень благодарна. Позднее я еще раз (уже на а/м ГАЗ-66) побывала на Валдае, где работал Герман Васильевич. На сей раз ему помогали не только члены отряда, но и его замечательная жена, Татьяна, а также их друг Сева (Попов?) с супругой. (Последние наслаждались красотами Валдайской природы перед своим отъездом на работу в США). Как всегда, в отряде Германа Васильевича царила теплая, трудовая и доброжелательная атмосфера. И хотелось находиться среди этих людей как можно дольше... Герман Васильевич очень любил Валдай, и практически собрал на этом этапе своей научной деятельности материал для докторской диссертации.

Но потом его интересы переключились на Вьетнам. Мне кажется, он был в этой стране не менее 20 раз. А ведь климат Вьетнама для ев-

ропейца не вполне здоровый. И однажды он успел полежать во Вьетнамской больнице, подхватив какую-то инфекцию. Но все равно любовь к этой стране присутствовала в его жизни долгие годы. Он даже, кажется дважды, брал с собой на полевые работы во Вьетнам свою любимую жену Татьяну (она была химиком, но помогала ГВ как квалифицированный зоолог-биохимик). Мне посчастливилось поработать с Германом Васильевичем во Вьетнаме только однажды, в конце 1995 года. Мы прилетели из российской зимы во вьетнамское лето. Но Герман Васильевич был привычен к таким резким переменам погоды (сказывались не только его полевой опыт, но и личная закалка – вспомните озвученные Александром Кареновичем Агаджаняном жизненные установки (заповеди) Германа Васильевича!). Все же остальные, вновь прибывшие слегка раскисли, нуждаясь хотя бы в непродолжительном периоде релаксации. Этот период несколько затянулся. Все мечтали поскорее выбраться в поле. Нам предстояла работа в Далате. Наконец, отряд под руководством Германа Васильевича добрался до этого горного массива, устанавливая на разных высотах и в различных пунктах многочисленные ловушки, в которые среди грызунов попадались преимущественно разные виды крыс. Каждый день нам приходилось подниматься в гору, но Герман Васильевич, будучи начальником большого отряда, не ограничивался распоряжениями, он был среди первых при так называемых «охотничьих» восхождениях, посвященных отловам зверьков. Как всегда, он подавал всем участникам экспедиции пример. Недаром, его ориентирами по жизни были великие исследователи природы: Н.М. Пржевальский, Ч. Дарвин... Я вернулась в Россию чуть раньше остальных, т.к. исхитрилась подхватить во Вьетнаме какую-то гадость, от которой долечивалась уже дома. А коллеги продолжали работать, исследуя интереснейшую фауну этой части Юго-Восточной Азии. Кажется, именно в этой экспедиционной поездке Герман Васильевич проявил свойственные ему особенные человеческие качества, спуская с горы внезапно почувствовавшего недомогание товарища по экспедиции (В.В. Рожнова). С таким надежным человеком, как Герман Васильевич, одно удовольствие заниматься общим делом.

Но я отвлеклась от основной темы. Он всегда работал с энтузиазмом и получал интересные результаты. Я упомянула лишь об одной Вьетнамской экспедиции, в которой мне удалось поучаствовать. Но у Германа Васильевича таковых было немало. За десятилетия работы в этой стране, он собрал уникальный материал по фауне и экологии млекопитающих Вьетнама, «переплюнув» в этом отношении своих предшественников, французских коллег. И это вполне естественно: в ходе его работы, в частности, в изучении систематики млекопита-

ющих этой юго-восточной страны стали использоваться не только традиционные, но и современные генетические (кариология, электрофорез, молекулярный анализ) методы, что привело к открытию среди копытных, хищных, насекомоядных, рукокрылых ряда новых видов. К описанию некоторых из них Герман Васильевич имеет прямое или косвенное отношение, как и к подтверждению видового статуса некоторых сомнительных форм грызунов. Не менее весомый вклад Герман Васильевич внес в исследование проблем эволюции этого класса позвоночных Вьетнама, а также в рассмотрение экологических (закономерности формирования популяционной структуры видов млекопитающих) и зоогеографических (в т.ч. закономерности вертикального распределения мелких млекопитающих в горах Вьетнама) вопросов. Я намеренно не привожу ссылки на его многочисленные статьи, поскольку основные результаты, полученные Германом Васильевичем за период работы во Вьетнаме в 1978-2001 гг, представлены в его монографии. По итогам работы им была написана интереснейшая монография «Млекопитающие Вьетнама» и с успехом защищена докторская диссертация. Следует подчеркнуть, что его переход от изучения фауны и экологии млекопитающих умеренных широт (пионерские работы на Алтае, а позднее на любимом Валдае и т.д.) к исследованию тропической териофауны Вьетнама можно по причине их разительных отличий приравнять к подвигу...

Еще я с удовольствием вспоминаю наши совместные поездки на Международные Симпозиумы. В 1991 г. мы участвовали в Симпозиуме по копытным (Ungulates-1991)(France, Toulouse, Sept., 1991) , а в 1999 г. - в симпозиуме по тропическим экосистемам (4th Int. Symp. "Isolated Vertebrate Communities in the tropics") (Bonn, May 1999). Несколько слов о нашей первой совместной поездке на международный форум. Ее организовали Териологическое общество РАН и всеми любимая Татьяна Ивановна Дмитриева. В 1991 г. была мода на российскую науку, и хотя мероприятие проводилось в Тулузе, французская сторона подарила нам день пребывания в Париже («Увидеть Париж – и умереть!»). Мы бродили по столице Франции, насыщались, как губки, впечатлениями, и когда в Лувре добрались до знаменитой картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза», уже падали без ног...А в Тулузе интересные доклады, теплый прием... Это была незабываемая поездка. А когда мы возвращались поездом через всю Европу, в дороге с удовольствием поздравили с Днем Рождения Германа Васильевича, которому в том сентябре исполнилось 51 год, и самое удивительное, что там же и тогда же в нашей сплотившейся делегации был еще и 50-летний юбилей (у Бориса Ивановича Петрищева). И в Бонне тоже было здорово!

Было много интересных докладов, и наше выступление было заслушано с большим интересом...

Мне трудно вспоминать о Германе Васильевиче в прошедшем времени. Он был великим тружеником, преданным науке, семье, и очень-очень надежным и правильным человеком. Уже год, как он ушел, но добрая память о нем всегда будет жить в наших сердцах.

1 мая 2023 г.
Баскевич М. И.

3.4 Андрей Зиновьев. Человек необыкновенного такта

Судьба свела меня с Германом Васильевичем вдали от Родины – во Вьетнаме в марте 2001 года. Проведя во Вьетнаме три месяца, я чувствовал себя уже «старожилом», поработавшим в Северном отделении Российско-Вьетнамского научно-исследовательского и технологического центра и приехавшим для проведения исследований в город Хошимин, в Южное отделение указанного центра. Прошла первая экспедиция в местечко Лого-Самат (провинция Тай Нинь), ставившая целью исследование территории под организуемый биосферный заповедник. Впереди были непродолжительные поездки в лесхоз Ма Да (провинция Донг Най) для проведения мониторинговых исследований на площадках, где когда-то размещался первый базовый экологический лагерь Центра. Помимо коллег-вьетнамцев для проведения исследований прилетел из Москвы териолог Герман Васильевич Кузнецов. 60-летний среднего роста человек показался мне сначала слабым конкурентом в многочасовых походах по жаркому и влажному тропическому лесу. Но вскоре оказалось, что я ошибся. Расставляя и проверяя ловушки, Герман Васильевич мог без усталости шагать многие километры по лесным тропинкам, а местами и по бездорожью, прорубая мачете путь. Причем движение это было обдуманное, выдавало большой опыт не только экспедиционной работы, но также работы в тропиках. Но об этом не было сказано ни слова; только вечерние разговоры постепенно донесли до меня информацию о том, что Герман Васильевич наездами работал во Вьетнаме чуть ли не пару десятков лет! Человек необычайного такта и скромности, Герман Васильевич очень по-философски относился к любой ситуации. Помню, что на

время экспедиционных выездов нас заставляли оставлять номера в Тхань Де (Хошимин), где мы жили. Это было связано с переносом вещей на склад и массой других мелких неудобств. Другой на месте Германа Васильевича, заслуженного ученого в годах, возмутился бы. Не таков был Герман Васильевич: он спокойно воспринимал ситуацию, показывая, что «такие мелочи» не должны выводить исследователя из равновесия. Главное, хорошо сделанная работа – именно она вспомнится и зачтется, а не временные неудобства, связанные с ее выполнением. Я не могу вспомнить ни одной конфликтной ситуации при общении с Германом Васильевичем «в поле» и «на базе». Это особенно хорошо поймут люди, которые долгое время находились в ограниченном коллективе в экстремальных условиях. Тогда любая неприятность может вызвать эмоциональный взрыв. В особенности, если вы принимаете медикаменты против малярии: мера, которую мы с Германом Васильевичем исправно соблюдали. Жизнь на отдаленном лесном кордоне, каждодневные многочасовые исследования в лесу и на агроландшафтах лишь сблизили нас; с сожалением возвращались мы из экспедиционных выездов, так приятно было взаимообогащающее общение в кругу доброжелательных вьетнамских коллег. Вспоминается тонкое чувство юмора Германа Васильевича, его скромная, с легкой долей иронии улыбка. И за всем этим – великолепный глаз полевика. В этом я мог убедиться в ходе подготовки совместных публикаций по наблюдениям, сделанным во время экспедиции в Биосферный заповедник Кат Тьен (провинции Донг Най и Бинь Фуок). То, что укрылось от моего глаза, неизменно находило отклик у опытного полевика Германа Кузнецова.

Фото с Зиновьевым и Нездолий В.К., 2014 год, Тверь

3.5 Булатова Нина Шамильевна. Привержен классике

Герман Васильевич Кузнецов прожил немало и негромко, но последовательно, и во всем был примером классики и воплощением стабильности – начиная с классического университетского образования, полученного на Биологическом факультете Московского государственного университета (выпуск 1964 года), многолетней разноплановой научной работы вплоть до реформ 2000-х в одном и том же академическом учреждении (ИЭМЭЖ им. А.Н. Северцова АН СССР – затем ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН), до интереса к популяризации науки в последних публикациях на пенсии. Профессиональный зоолог московской школы, доктор биологических наук Г.В. Кузнецов стал классиком исследования фауны млекопитающих Вьетнама. По предложению директора института академика В.Е. Соколова Герман Васильевич был среди первых участников и руководителем советско-вьетнамских межакадемических экспедиций, организованных для длительной международной работы по изучению природы этой страны, подвергшейся опасным воздействиям в период крупнейшего военного конфликта в 1970-е гг.

В моих (НШБ) воспоминаниях Герман Васильевич неотъемлемая часть всего самого по-человечески простого и академически сложного в комплексе большой науки, с разъездами в бесконечных экспедициях, каким был институт при академике В.Е. Соколове. При моем поступлении на работу в лабораторию доктора биологических наук В.Н. Орлова в 1979 г., пока решались вопросы ставки и рабочего места мне предложили поучаствовать в лабораторных опытах Г.В. Кузнецова с вьетнамскими грызунами. В виварии Герман Васильевич провел разъяснение задачи и методов работы по физиологии питания огромных, как мне казалось, крыс. Работать с ними оказалось несложно, Герман Васильевич внимательно следил за результатами. Когда опыт закончился, решилась и моя судьба, благополучно я вернулась к близкой мне цитогенетической работе. А через несколько лет с Виктором Николаевичем Орловым и вьетнамским коллегой /// мы провели сравнительное изучение кариотипов вьетнамских видов крыс и опубликовали результаты в тематическом институтском сборнике. Затем аналогичные исследования провели Герман Васильевич Кузнецов с Мариной Исааковной Баскевич. С тех пор многие годы Герман Васильевич, посещая

лабораторию В.Н. Орлова, непременно навещал микроскопистов и старался узнать о новых возможностях в анализе кариотипа млекопитающих.

С 2013 г., в сложное время для трансформируемой академии, Герман Васильевич не раз приезжал в лабораторию с материалами или публикациями на исторические темы, которые, однако, из-за текущих потрясений тогда воспринимались трудно. Но напечатанные останутся в анналах истории науки и страны.

В мае 2022 г. на сайте института появилось скорбное сообщение о смерти старейшего сотрудника, доктора биологических наук Г.В. Кузнецова.

Добрая память одному из светлых классиков отечественной науки!

От: Булатовой НШ (кбн, снс ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН – если важен статус!)

3.6 Людмила Георгиевна Емельянова.

О Германе Васильевиче Кузнецове — замечательном человеке.

Замечательный человек... Оглянитесь вокруг. О ком из Ваших друзей или знакомых Вы можете сказать – замечательный человек?! Согласитесь, что не очень много таких людей найдется в нашем окружении. Я могу так сказать о Германе Васильевиче Кузнецове и благодарна судьбе за то, что знала этого человека и общалась с ним.

Впервые я познакомилась с ним на нашей кафедре – кафедре биогеографии географического факультета МГУ, где он читал избранные лекции по методам учета численности и экологии млекопитающих. Лекции были очень академические – логически продуманные, насыщенные примерами из собственного полевого опыта, неторопливые. И что меня удивило – очень биогеографичные (географический подход у биологов по образованию часто слабоват). Импонировало и то, что Герман Васильевич несколько полевых сезонов проработал в близкой мне архангельской тайге.

Его отличала и доступность для студентов – он мог подолгу беседовать со студентами и отвечать на вопросы в любое время и на равных. Таких доступных для студентов профессоров очень немного. В этом отношении он очень напоминал мне Александра Петровича Кузякина – выслушать, все неспешно объяснить, заинтересовать.

Мы много времени посвящали ареалогии, обсуждению особен-

ностей географического распространения разных видов млекопитающих, экологической составляющей этого распространения. Что меня удивляло в этих беседах? Его эрудиция, очень ровная мягкая манера дискуссии, широкий диапазон знаний.

Позже, когда он работал во Вьетнаме, мы часто встречались у него дома. С какой любовью к книге он показывал редкие териологические издания! Зачитывал интересные места, мы подолгу обсуждали полевую работу. У него была большая, с любовью подобранная и хорошо организованная библиотека териологической литературы, которой он очень гордился.

Здесь я познакомилась с его удивительной, преданной, обожающей его женой - Татьяной. Замечательная хозяйка: душевно теплая атмосфера дома, семьи создана ею. Надежная рука в полевых экспедициях, думающий понимающий коллега, редактор научных статей – все гармонично сочеталось в этой удивительной женщине. В трудных условиях вьетнамских джунглей она все годы работала рядом с ним. Сколько интересных вечеров мы провели вместе за неспешной беседой, воспоминаниями, обсуждением планов на будущее... Так не хватает сейчас этих душевных встреч, этого общения с тобой, дорогой Герман Васильевич!..

3.7 Екатерина Николаевна Харитонова о Германе Васильевиче

Кое-что о знакомстве с Германом Васильевичем Кузнецовым, докторе биологических наук, зоологе.

В конце мая 1959 года студентов, собирающихся поехать на практику на Алтай, собрал в редакции «Комсомольской правды» Владимир Алексеевич Чивилихин - журналист и писатель, объездивший всю нашу страну, радевший за охрану природы. За свои статьи и книги он получил в 1977 году Государственную премию им А.М. Горького.

Он нацеливал нас на исследование природных ресурсов Алтая на территории лесхоза, который поручили двум выпускникам Ленинградской лесотехнической академии - Шипунову Сергею и его другу Виталию Парфенову. С ними был хорошо знаком Герман Витальевич Кузнецов (наш руководитель на Алтае), т.к. он работал в Маралевом совхозе, где готовили пантокринов - средство от повышенного давления крови.

Получив обмундирование и нужное для исследовательской рабо-

ты в природе, сделав прививки от клещевого энцефалита, мы несколькими группами отправились на Алтай.

В группе Германа Васильевича (Геры) было четверо ребят и две девочки (зоологи и ботаники), мы отправились в Уймень, где жили директора лесхоза, где Гера должен был получить кое-какие данные. Уехали мы поездом Москва-Новосибирск-Барнаул - последний очень пыльный город. Мы посетили в городе Краеведческий музей природы, нам он очень понравился. Побродили по городу, пока Герман Васильевич, искал средство передвижения для дальнейшей поездки.

На машине мы ехали по перевалу, где на отвесных скалах был высечен из цветного гранита портрет Владимира Ильича Ленина, выполненный бывшим секретарем райкома партии. Удивительное зрелище.

Машина не могла довезти нас до нужного нам пункта, и мы остановились в горной долине. Ребята настреляли молодых воронят, а нам сказали, что это кедровки, а мы со Светой готовили воду с рисом, чтобы сварить суп, и не видели, кого они ощипывали. Все мы ели суп с удовольствием. Ребята поймали лошадь, пасущуюся на воле, загрузили на нее все рюкзаки и все необходимое, и мы отправились пешком до Уймении. Затем разгрузили лошадь в поселке, а она сама нашла свой дом.

Герман договорился с местным начальством, чтобы нас разместили в кроле на несколько дней, пока он сможет все обсудить с С. Щипуновым по его прибытии.

Мы пешком добрались до деревни Бегежа, расположенной на левом берегу реки Уймень, в 18 километрах от Уймении. В деревне один жилой дом, а мы расположились в пустом доме. Встретил нас 90-летний старик, который устроил соревнование с нашими ребятами - кто быстрее взберется на гору и спустится обратно. Он победил, за это мы должны были прополоть его огород, а он нам дать продукты питания (картофель и овощи). Продукты не хранят в домах, а устраивают в горах хранилища, в специальных нишах, незаметно прикрывая их мхом).

Герман Васильевич показал нам маршруты исследования, и работа началась. Ребята-зоологи - Гера, Слава и Женя - изучали маралов и птиц, их поведение, передвижение, ночёвки. (Четвертого зоолога я не помню).

Как же сложилась жизнь этих ребят? Слава Ерохин был женат трижды, имел 6 детей. У костра он часто пел песню «Алименты, брат такая фраера угроза, если хочешь иль не хочешь - обязательно плати». Слава до конца своих дней пел в хоре биофака. Герман Васильевич

всегда ему помогал, брал в экспедиции в Монголию и Вьетнам. Женя Курочкин защитил докторскую диссертацию. Юра Симуков работал в Мурманске, но в отпусках совершал путешествия: с запада на восток, а затем с севера на юг. В Бегеже он постоянно подтрунивал над нами, особенно над Светой, так как она во время войны была эвакуирована с родителями в Пензу и постоянно повторяла «А у нас в Пензе...», глядя на свои часы. Так её ребята и прозвали - «а у нас в Пензе». Света вышла замуж за зам.министра иностранных дел - Посувалюк Виктора, с которым мы были на целине в Казахстане, и который нас будил песней, сочинённой им под баян: «Над Байкалом туман...». С ним Света посетила много арабских стран, родила дочь-арабистку.

Юра Силуров часто повторял, что все зависит от спинтрулезки, что в переводе, как недавно я узнала, означает - всё зависит от места, времени и обстоятельств. Добравшись до Эльбруса, попал в лавину и потерял обе ноги. Что сейчас с ним я не знаю.

Закончив работу в районе Бегежи, мы перебрались на правый берег реки Уймень. К нам присоединился сын академика Крылова-ботаника их Томска - Артур. Он обучал нас флоре Алтая, т.к. с 7 лет отец брал его с собой в экспедиции.

В то время как в Уймень приехал начальник аэров из Питера Телегин с доцентом лесотехнической академии Броневецким посмотреть на работу студентов. Им нужен был геоботаник для сбора гербария. Меня Герман Васильевич откомандировал к питерцам, которые изучали работу пилы «Дружба» и прокладывали просеки (впервые) в лесу Алтая.

Прошло более десяти лет, как я на химфаке МГУ случайно увидела впереди знакомую фигуру в клетчатой рубашке с полевой сумкой на боку. Я позвала: «Гера» - он долго присматривался и узнал меня.

С тех пор началась дружба Германа Васильевича с моей семьёй. Оказалось, мы живём недалеко друг от друга. Я попросила устроить меня на лето в какую-нибудь экспедицию. Он взял меня с Б.Д. Абатуровым на два месяца в Джаныбек лаборантом для работы на биостанции, изучать на площадках в степи запасы кормов (в сыром и сухом виде). Теперь площадь биостанции уменьшилась, её отобрали после падения СССР. Герман Васильевич изучал сусликов в Джаныбеке. Он очень нравился Маше (Марье Ивановне). Герман Васильевич, всегда спокойный и рассудительный, построил в степи вышку для наблюдения за передвижением сусликов, он долго не задерживался, периодически куда-то уезжал. Во второй приезд он отлавливал сусликов и красил им головы флюоресцирующими красками. Проводил наблюдения и потом опять исчезал.

В следующие годы я ездила с Германом Васильевичем дважды в Тульские засеки в районе города Крапивна, где в свое время работал народным заседателем великий писатель Лев Николаевич Толстой. В Тульской засеке с Германом Васильевичем работал студент Саша Михайлин, мы наблюдали за колонной цапель (какие же они неопрятные птицы!), с нами была Линька Веселовская (теперь доктор биологических наук по анатомии) с сестрой Катей.

Во вторую поездку в Тульские засеки я брала с собой своего ученика Сашу Полякова (по прозвищу «Папа Карло»), мы помогали Герману Васильевичу считать количество грызунов. Для этого Герман Васильевич построил на территории лесника двухэтажный сарай. На первом этаже хранилось оборудование, на втором - зона отдыха. Герман уехал по своим делам, к нему в гости приехала дама. Она преподаватель училища им. Гнесиных из Малаховки не давала покоя Герману Васильевичу - так он ей нравился. Называла себя болгаркой, оказывается это поселение «булгар» за Волгой - звали ее Нина Алексеевна Богданова, она очень боялась темноты. Мы с Сашей заряжали мышеловки кусочками сыра или хлеба, смоченными подсолнечным маслом, а потом, когда стемнеет, разбрасывали по определенным направлениям, а утром «собирали урожай». Подсчитывали количество попавших в мышеловки мышей, а записи передавали Герману Васильевичу. В свободное время обследовали местность.

Далее были поездки на Валдай, где Герман Васильевич занимался лосями. Тщательно изучал покусы верхушек сосен, линейкой измерял до того (весной) величину побегов, а летом, что осталось после покусов. Жили мы в палатках недалеко от реки Валдайка, с её очень холодной водой.

Герман Васильевич хорошо знал местность, где что растёт, однажды показал мне свое любимое болотце с клюквой, я набрала всем по трехлитровой банке клюквы: за то меня прозвали «комбайном». А сколько грибов на Валдае! Особенно на противоположном берегу Валдайки, недалеко от нашего лагеря.

Герман Васильевич часто приглашал с собой на Валдай друзей. Там я познакомилась с орнитологом-вирусологом Севой Поповым. Как-то мы с Марьей Ивановной Паниной (по мужу) помогали Герману Васильевичу собирать посадки лосей и взвешивали их, затем Герман Васильевич сушил их. Ночевали мы в избе за печкой. Они с Севой сочинили статью, и чтобы не повторять слова: испражнения и прочее, долго хохотали до слез, и наконец решили обозначить их немецким или английским или французским терминами. Изумительные друзья были у Германа Васильевича.

Нас с мужем всегда удивляло как Герман Васильевич писал статьи, помогая друзьям, успевал посещать театры и кино. С каким увлечением рассказывал он о своем любимом актере М.М. Яншине.

А как любил кошек! Герман Васильевич никогда не мог бросить на произвол судьбы животное, даже если бы ему пришлось приплатить тому, кто брал на себя обязанности заботиться о них.

Светлая память Герману Васильевичу

3.8 Воспоминания Филиной Нины Александровны и Филиной Галины Вячеславовны о своих друзьях: Кузнецове Германе Васильевиче и Филатовой Татьяне Николаевне

Познакомил нас Назаров Николай Иванович — это друг детства и школьных лет Германа. Знакомство наше состоялось в 1990 году. Назаров Н.И. жил и работал в Рязани, но детство его прошло в Ижевском так же, как и детство Германа. Надо сказать, что дед Германа - Александр Иванович Кузнецов родом из Ижевского - был заведующим фермой колхоза «Дело Октября» в военные и послевоенные годы, в период развития сельского хозяйства. Дома их родителей стояли друг против друга на одной улице. Компьютеров в то время не было, и все свободное время ребята проводили на улице: зимой строили крепости из снега, катались на горках, лепили снеговиков. От снега одежда вся мерзлая, рукавицы мокрые, а домой, чтобы родные не ругались, заходили сразу двое или к Кузнецовым, или к Назаровым. В доме обязательно топили печки, и бабушка загоняла ребят на печку, там они отогревались и засыпали до утра. Утром завтракали и бежали в школу. И так по очереди: то у одних дома заночуют, то у других. В школе они учились в одном классе: Кузнецов Герман, Назаров Николай и Филин Вячеслав — это мой муж. Потом Герман уехал в Москву, а Филин Вячеслав и Назаров Николай поддерживали связь всю жизнь. Когда мы поженились с Вячеславом, стали дружить с Назаровыми семьями.

Назаровы часто ездили к нам в Ижевское, и Коле хотелось купить домик для дачи в Ижевском, но так, чтобы поближе к его бывшему дому детства. Так мы выбрали дом, который они и купили. Мы ничего не знали про дом Кузнецовых, и потом выясняется, что Герман и Коля жили напротив друг друга, а теперь оказались соседями, и дома

их стоят рядом. В 1990 году они поселились в своем домике на ул. Лапушкина, а мы пришли к ним в гости, и тут приехали Кузнецовы в свой дом. Так и состоялось наше знакомство. Татьяна угощала нас чаем, его кипятили на электрической плитке, газа тогда еще не было. Полы в доме были местами провалены, где-то не было досок, лежали кладки, и мы ходили по ним, стараясь не упасть. Герман мечтал, что они отремонтируют дом, а наверху он сделает кабинет с большими окнами. В этом кабинете он будет писать книгу и любоваться раздольем лугов, водной гладью близлежащего озера, а весной -разливом Оки, который доходил до крайних домов села.

Действительно, за эти годы Герман с Таней много сделали в доме: возвели новый фундамент, поменяли перерубы и настелили новые полы, заднюю часть дома переоборудовали под спальню, пристроили коридор, сложили новую печь, обили снаружи весь дом вагонкой, обшили внутри сухой штукатуркой, провели газ и воду. Приезжать стало удобно и комфортно. Помогали Герману его одноклассники: Куликов Сергей, Шапочкин Евгений, тот же Коля Назаров. Когда приезжали в Ижевское, Герман всегда интересовался своими одноклассниками: кто чем живет, что изменилось у кого в жизни. Всегда спрашивал про одного знакомого: «Он все спит в сундуке?». Этот мужчина жил вдвоем с матерью, потом мать умерла, он остался один, и, чтобы не покупать дрова, спал зимой в сундуке. Сундук был большой, добротный, обшит железом. Когда я приезжала на вызов, я этот сундук видела, в доме была и кровать, и, кстати, очень чисто.

Друзей было много у Германа в Ижевском.

Одна семейная пара, например, она - зубной врач, Ежова Евдокия Ивановна, он - радиотехник на аэродроме, Ножкин Анатолий Васильевич. Так этот радиотехник был большой любитель книг. Дома у него была огромная библиотека, полное собрание сочинений Т. Драйзера, Э. Золя, Ж. Сименона, Дж. Лондона и русских классиков, не перечесть. Все село ходило к нему за книгами, и я тоже, особенно, когда вышла книга «Тайны мадридского двора». Герман и Таня дружили с ними давно и в каждый приезд навещали их с подарками. Да, был у нас аэродром, и самолеты летали в Рязань, несколько рейсов в день. Билет стоил 2 рубля, а время перелета было 20-25 минут. Конечно, временами на кукурузнике очень болтало, а иногда очень хорошо леталось. Билет на самолет можно было купить в любой город (от Москвы).

Радиотехник связывался по радио с кассами московских аэропортов, бронировал места на нужный рейс и тут же выписывал билет на самолет. Он не был обязан это делать, но делал. Просто люди того времени были ответственны и выполняли свою работу качественно. Из Ижевского до Рязани ходили и автобусы, билет стоил 1р. 58коп.

Теперь у нашего села появился статус «исторического поселения», есть музей Циолковского, а недавно появился музей фотографа Филатова.

Герман гордился своим селом и часто вспоминал, что село откупилось от крепостного права за 30 лет до его отмены. Для откупа собрали денег - по нынешним меркам около миллиарда рублей.

Когда делали ремонт в доме, Татьяна и Герман приезжали чаще, несколько раз в год. Мы всегда с нетерпением и радостью ждали их приезда и старались больше времени проводить вместе. Мы собирались у кого-то в доме, у Назаровых или у нас, Филиных, а когда дом Кузнецовых отремонтировали, то у них. Много разговаривали, делились событиями в нашей жизни... Если собирались у Кузнецовых, то Таня старалась нас угостить чем-то особенным. То она сделает мясо по-вьетнамски (кстати, очень вкусно), то напечет оладьев по своему рецепту. Если мы собирались у кого-нибудь, то Таня всегда просила не заморачиваться с едой и просто посидеть за чашкой чая. Но мы не слушали, нам тоже хотелось чем-то угостить - удивить. На наших посиделках очень мы любили слушать про жизнь во Вьетнаме, как они ставили ловушки на белок и других зверьков, что ели, где спали, как жили местные люди, их обычаи, отношение к нашим людям. Все это мы слушали с разинутыми ртами и забывали про все на свете.

Герман показывал нам фильм (только немой) про жизнь одного вьетнамского племени в глухих лесах Вьетнама. Мы видели их хижины, вождя племени. На бедре у вождя красовались поперечные рубцы от ран. Эти раны наносит себе сам вождь, когда кто-то умирает или погибает из его родных. Раны наносит мечом (мачете). У вождя рубцы имелись до самого колена. Лицо вождя нас поразило: оно было очень мужественным и одухотворенным. Показывал нам Герман и фильм про музей и место проживания правителя Вьетнама - Хо-Ши-Мина. Очень скромно жил правитель, за что его и любят люди. Так что Герман и Татьяна приобщали нас к Вьетнамской жизни и культуре.

Когда они приезжали в Ижевское, то обязательно привозили подарочки и сувениры из Вьетнама и старались нас ими одарить. Ведь в Москве у них родственников много было, и всех надо было вспомнить, кому какой сувенир подойдет. У нас на память осталась сумка с иероглифами и шкатулка из дерева корицы. Просто Герман и Татьяна были внимательными людьми, любили своих родных, умели дружить и ценить все это.

Иногда не обходилось без курьезов. Один раз Таня и Герман приехали накануне 9 мая, числа 8-го, а может и 7-го. Собирались вместе сходить на митинг, потом отметить День Победы. Утром 9 мая Герман

сломал руку, а в больнице выходной день. Пришлось мне вызывать всю рентгеновскую службу, чтобы сделать ему снимок. Снимок сделали, и уехали они в Москву, где руку и лечили.

Последние 2-3 года, во время приездов Герман собирал всех соседей за своим столом. Приходили соседи, сидели, ели-пили, вели разговоры, а Герман сидел во главе стола и за всем этим наблюдал. Застолье длилось часа по 3-4, а то и больше. Привозили из другого конца села двоюродную сестру Германа (фамилия Иконникова), ей было лет 70 к тому времени. Такая улыбчивая сидела, но больше молчала и смеялась вместе со всеми, если кто-то рассказывал смешную историю.

В 2011 году мы ездили в мое родное село Лубяники, это в Касимовском районе. Ездили мы на Троицу, день Троицы приходился на 30 мая. Дорога была еще очень сырая, так как пролежала через весь Окский заповедник, а место там болотистое. Ездила я, моя двоюродная сестра Люся и Герман. В свой приезд Герман был без Татьяны; это было время, когда активно ремонтировался дом. В моем селе был обычай (он и сейчас есть) - посещать на религиозные праздники могилы родственников. Приходит все жители села к 8 утра. В селе остаются только люди, не способные сами ходить. К этому дню приезжают родственники со всех сторон повидаться с родными и посетить могилы.

Приносят закусу, вино, все это кладут на холмики могил и приглашают своих знакомых и незнакомых людей помянуть усопших. В этот момент на кладбище просто «свет свиданий». Встречаются люди, давно не видевшие друг друга, одноклассники, дальние и близкие родственники, просто односельчане. Опаздывать на такое мероприятие не принято. Я Герману много рассказывала о своем селе, поэтому Герман поехал с нами с удовольствием. Ехать пришлось в тракторной тележке трактора «Беларусь». На дне тележки настелили сена, так что там можно было посидеть и полежать. В тележке нас ехало человек 25-28. Это те люди, которые жили в Ижевском, но сами выходцы из Лубяник. У нас тоже обычай - на Троицу ездить в родное село. После посещения кладбища мы посидели у родственников, потрапезничали, поговорили, а к вечеру на этой же тележке уехали в Ижевское. Дорога была ухабистая, Люся отбила себе все бока, и у нее болели мышцы несколько дней. Герман не жаловался, а я - привыкшая к таким дорогам. Герману очень понравились и обычай, и люди, и само село. Село, кстати, очень необычное, улицы стоят в 4 ряда (это дома и подвалы), все в зелени. Недалеко в лесу есть озеро Святое. Вода там такая чистая, что видно все дно, что есть на дне, вся живность, хотя глубина его до 8 метров. До Лубяник от Ижевского 35 километров, вот такое мы совершили путешествие. Кстати, Митя был на этом озере и не один раз.

Герман и Татьяна были люди активные, на месте не сидели. Был у Германа друг - товарищ В. Кудряшов. Жил этот Кудряшов в соседнем селе Локаш, вот туда Таня и Герман ездили на велосипедах навестить друга. К вечеру, уставшие, едут они домой и проезжают мимо Галиного дома. Галя их увидела и остановила, пригласила в дом попить чаю, и заодно показала стаю ласточек, которая сидела на проводах в несколько ярусов. Ласточек было так много, наверное, больше тысячи, готовились они к отлету, потому и сбивались в стаю. Таня и Герман так обрадовались этим птичкам и долго стояли, и любовались. Все провода были улеплены птицами. Но что я отметила — это детская радость на лицах, они сияли, как у ангелов. Галя с трудом увела их в дом. Вот они умели радоваться и радовать людей! А ведь были голодными, как потом они сознались. Умели радоваться теплоте солнечному дню, маленькому букетику цветов, их радовала кисть рябины, что висела перед окном. Кстати, Герман по приезду в свой дом в Ижевском, всегда ставил несколько цветочков или веточек, травинки в маленькую вазочку на своем письменном столе. Галя приглашала их в свою школу искусств посмотреть выставку детских рисунков и новое здание Дома культуры. Они с удовольствием пришли, посмотрели, поделились своими впечатлениями. Посмотрели рисунки, которые не были выставлены в этот раз, но завоевали призовые места в Москве, на Байконуре. Были очень довольны, что в селе есть школа искусств, где дети занимаются живописью, рисованием, развивают свои увлечения и способности. Не в каждом селе имеется такое.

Интересовало их все: посмотрели новую модельную библиотеку и были от нее в восторге. Даже организовали в ДК концерт классической музыки. Концерт был исполнен Митей, его женой Настей и пианисткой из Митиного оркестра. Люди сидели, слушали и остались очень довольны исполнением музыкантов. Таня тоже была очень довольна, что концерт прошел удачно.

У Коли Назарова была машина «Запорожец», купленная еще в 70-х годах. Друзей у Коли было много, у них всегда гостили товарищи по работе, соседи из их дома в Рязани с детьми, женами... Коля после окончания института работал на вокзале Рязань - I диспетчером электропоездов. После ночной смены у него было два выходных дня, во время которых он постоянно приезжал на дачу. Здесь, на даче кто-то гостил всегда, и Коля возил их на рыбалку, в лес за ягодой, просто так погулять по лесу. Вот, в один такой приезд Германа и Татьяны, собрались мы поехать в луга незачем, просто так.

Машина у Коли была порядком изношена, впереди около руля, в полу была дыра величиной с голову. Коля постоянно застилал эту дыру листом железа.

При езде лист сползал с дыры и в глазах рябило от мелькавшей под ногами земли. Приходилось тем, кто едет рядом с водителем, не смотреть на эту дыру, да еще ногой придерживать лист железа. Коля весь инструмент для починки возил с собой. Вот поехали мы в луга, дорога не очень хорошая, часто попадаются низины с грязью. Подъехали мы к одной канаве: грязь, но края не крутые, пологие. Коля просит нас выйти из машины, а он на повышенной скорости проскочит эту низину, что мы и сделали. Коля помчался, проскочил низину, и на выезде из канавы, на пологом берегу канавы у него открылся багажник, и на дорогу посыпались железки: домкрат, свернутый в рулон коврик для ремонта, гаечные ключи, молотки и многое другое. Мы бежим следом, собираем железки и хохочем. И тут Герман во весь голос поет:

- У Колюши не машина - песенка,

- Раз железка,

- Два железка

- Будет лесенка.

И мы хором подхватываем:

- Раз железка,

- Два железка

- Будет лесенка.

И так несколько раз.

Коля остановился на машине своей, ждет нас и улыбается во весь рот, и смотрит, как мы несем в машину все его железное хозяйство. Смеху было предостаточно.

Где-то в 2015 году я случайно встретила своего одноклассника с женой (я училась в Лакаше). Звали его Демин Виктор Васильевич. Одноклассник на все лето приезжал в Лакаш, и мы стали встречаться домами. Через год нашего общения мы выяснили, что мой одноклассник работал в посольстве РФ во Вьетнаме, знаком с проектом изучения белок-летяг и других мелких животных, и знаком с Германом. Он просил сообщить ему, когда Герман с Таней приедут в Ижевское, он очень хотел с нами увидеться. Он рассказывал, как закрывали этот проект. Мы часто говорили о том, что Земля мала для людей, и люди часто пересекаются в жизни. Вот мой муж учился в одном классе с Германом, мой одноклассник работал вместе с Германом, наш друг семьи спал в детстве вместе на одной печке с Германом. Когда искали дом для Коли, мы ничего не знали про дом Германа, а получилось так, что дома оказались соседними, как в детстве. Нам хотелось порадовать Германа и Татьяну. Поэтому мы каждый год с Галиной делали клумбу во дворе

дома Кузнецовых, сажали там цветы, которые цвели лето и осень, это была лаватера. В дни засухи ходили эти цветы поливать. Траву во дворе косили. Татьяна и впрямь была рада и говорила, что ей неудобно, что мы тратим время на клумбу с цветами. А нас радовало то, что во время приезда территория возле дома хоть немного была облагорожена.

В Москве Герман состоял в обществе «Ижевское Землячество». Часто возил туда газеты со статьями о нашем крае. Эти газеты я ему собирала. В этом обществе состояли люди, вышедшие из села Ижевское и проживающие в Москве. Это Липаткина Лидия Александровна - профессор травматологии, Абросимов Вячеслав Михайлович - доктор физико-математических наук, Поляков Павел Михайлович - профессор МАИ и много других людей.

С Деминым Герман так и не встретился.

Все эти годы нашего знакомства и общения, а это почти 30 лет, мы считаем очень счастливыми годами нашей жизни. Встретить таких людей, как Герман и Татьяна - большая удача, вспоминать и любить их мы будем до конца жизни.

*Ул. Лапушкина, дом Кузнецовых, 2003 г.
Нина, Татьяна, Люба, Герман, Галя*

*Во дворе у Кузнецовых.
Нина Филина, Дмитрий Кузнецов, Люба Назарова,
Кузнецовы Герман и Татьяна*

с. Ижевское, на берегу озера. На другой стороне пасутся коровы. Ясный солнечный день. Снимал Назаров Николай (прим. 1997г.)

*Ул. Средняя, около дома Инипутиной Н.А.
1998 г. - октябрь. Ижевское.*

*«Какой хороший день,
Какой веселый я
И все мои друзья... » (Прим. 1999 г.)
Снимал Назаров Сергей*

*Возвращается из поселка Лакаш от Кудрявцевых
Г. Кузнецов, 2016 г.*

Во дворе у Филиных на улице Средняя. 2012 г.

3.9 Воспоминания Назарова Сергея

Я, Назаров Сергей, племянник дяди Коли (Назаров Николай Иванович — это друг детства и школьных лет Германа), часто бывал у них, там и познакомился с Германом, так как он часто приезжал в Ижевское. Много раз собирались вечерами, беседовали. Герман очень интересный рассказчик, ему есть что рассказать. Выезжали часто на природу, на луга, много раз фотографировал их, ходили купаться на озеро. Что мне запомнилось: я часто брал книги у Германа, их у него было много, он сам любил читать и бережно к ним относился. Многие книги были старинные, я удивился, как было все описано, удивительные черепахи, ложка, смысл текста...

Я всегда помогал своему дяде по ремонту, по строительству бани. Другими работами. И когда Герман обращался с просьбой выполнить какие-то работы по благоустройству дома, я, конечно же, соглашался помочь ему. Очень интересный дом, гостеприимная семья. Я удивился, как сохранилась старинная мебель, натуральное дерево с резьбой.

А когда пили чай, я обратил внимание на посуду - тонкий фарфор, красивые узоры, смотреть на нее - загляденье! Герман любил свой дом, любил свою семью, своих друзей, всегда с пониманием к ним относился.

3.10 Дмитрий Кузнецов

Папа... папа! Я всегда чувствовал его любовь и поддержку! Всегда! Хотя жили мы скромно, но когда были нужны деньги на мое развитие и образование, родители всегда выделяли на эти средства. Например, в школе на репетитора по английскому языку, на спорт, на покупку музыкального инструмента... Все мое детство папа много времени проводил в экспедициях, и помню вот это ожидание, что он приедет, что-то привезет, какие-то необычные подарки! Он и привозил с собой экзотических животных: у нас панголин жил, например, потом - африканская, или южноамериканская лягушка, которая ночью квакала, напоминая тарахтение мотоцикла. Помню, он из Сингапура привез кассетный магнитофон, это тогда было очень круто, и все дворовые ребята приходили ко мне домой, чтобы переписать музыку с кассеты на кассету.

А, главное: любовь к природе и умение ориентироваться на местности, в лесу — все это у меня, конечно, от папы.

И, конечно, люди, которые окружали папу, оказывали на меня огромное влияние! К нам часто приходили его друзья, коллеги по работе, вьетнамцы, все очень интересные, творческие люди.

3.11 Степа о деде Гере.

Мне, будучи подростом, всегда было интересно узнать родословную деда Геры. Я часто пытался узнать у деда Геры, кто его родители, откуда они и чем занимались. Но он обычно отшучивался и говорил, что он произошел от обезьяны. Однажды баба Таня заметила мой частый интерес к этому вопросу и сказала мне: «Степ, у тебя полно родственников со стороны отца. Лучше им задавай такие вопросы». В общем, эта тема была почему-то табуирована, но я так и не понял, почему. Не

исключая, что д. Гера и сам плохо знал свое происхождение, особенно, по линии отца.

Баба Таня и Деда Гера часто переживали, что не умеют водить автомобиль. Сказали, что если бы умели, то жизнь бы сложилась совсем иначе. У них бы было больше возможностей посмотреть Россию и мир. Впоследствии на меня это очень повлияло, и я довольно рано записался в автошколу и уже в 19 лет получил водительское удостоверение.

В свои 70 б. Таня и д. Гера были в отличной физической форме. Помню, как мы с ними проехали на старых советских велосипедах Аист 30 км., меня это тогда очень удивило. Вообще они любили спорт. Делали зарядки. Иногда мы даже с ними смотрели спортивные мероприятия по телевизору. И любили спортивный стиль. Например, вместо сумок и авосек всегда предпочитали носить рюкзаки.

Б. Таня и Д. Гера очень любили перерывы на чай или кофе с небольшими закусками. Как ребенок, я всегда очень любил этот ритуал. Это что-то вроде шведской fika (шведская традиция делать перерыв в работе, чтобы выпить кофе. Перерыв такой шведы устраивают каждые два часа, и длится он не более 15 минут).

Я всегда гордился что б. Таня и д. Гера не такие стандартные дедушка и бабушка, как у большинства моих сверстников. Это понимание ко мне пришло в раннем возрасте. Они никогда не занимались пустыми и бессмысленными вещами, которыми часто занимаются люди на пенсии от скуки (например, просмотр многосерийных фильмов по федеральным ТВ каналам, сплетни на лавке, посиделки в гараже). Будучи пенсионерами, они всегда тянулись к познанию нового.

- Никогда не говорили о старости и немощности
- Читали много научных и околонуточных книг
- Ходили в театры и на концерты классической музыки
- Пытались путешествовать, даже несмотря на нехватку денежных средств
- Занимались наукой, насколько это было возможно в их возрасте (писали статьи, ставили эксперименты, общались с коллегами из своей области)
- Виделись со своими друзьями из университета

Герман Васильевич с внуком Степаном

3.12 О Кузнецове Германе Васильевиче. Александр Собачкин

Герман Васильевич всегда был для нас примером увлеченного человека. Он был частью удивительного поколения, сформировавшегося в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века, поколения увлеченных людей, вырвавшихся из обыденной жизни, искавших и находивших необычное. Экспедиции во Вьетнам для него были гораздо большим, чем возможность продолжать исследования, это и была настоящая жизнь, которую он ждал и которой отдавался без остатка. А вот процесс написания статей по результатам экспедиций, подготовка докладов, были повинностью, неизбежным дополнением к главному и, обычно, не самым приятным. Не припомню, чтобы он хоть раз отзывался о трудностях или неудобствах экспедиционной работы (а они были однозначно, причем такие, которые неподготовленному человеку и представить трудно), а вот его муки перед фактом подготовки статьи или доклада на конференции были хорошо видны. Зато с каким увлечением и энтузиазмом он мог рассказывать про разные и не всегда безобидные моменты экспе-

диционной жизни. Про ту же встречу со “снежным человеком” одного из своих коллег, который потом так был напуган, что долго не мог в себя прийти, про прыгающих с деревьев пиявок и прочей опасной живности, которыми кишели джунгли, и от последствий укусов которых спасали разве что местные то ли знахари, то ли шаманы. Об этом он говорил легко и с юмором, но эта же легкость исчезала, когда ему необходимо было написать несколько страниц обычного текста, сидя дома в безопасных и комфортных условиях.

В каждом, казалось обычном или необычном событии он видел возможность узнать что-то новое. Как-то, давно, еще во времена СССР (тогда за границу ездили немногие) ему предстояла командировка во Францию на поезде, и он радовался, как ребенок, что это будет именно не самолет, поскольку на поезде, пусть из окна, он увидит изменение природы, изменение ландшафта. Пройти пешком, проехать на велосипеде, увидеть своими глазами, а, если возможно, взять в руки, было для него самым интересным.

Этому поколению досталось очень сложное испытание на рубеже 90-ых, когда все то, что казалось привычным и предсказуемым, вдруг рассыпалось. Герман Васильевич удивительным образом никак не изменил своего подхода к жизни и остался таким же увлеченным своей деятельностью человеком. Он очень любил свою малую родину – село Ижевское, с Татьяной Николаевной они при малейшей возможности вместе ездили в этот неблизкий путь на перекладных, бежали с электрички на автобус, а, уже приехав в Ижевское, старались на велосипеде выбраться в заповедник, и это, наверно, были самые счастливые моменты.

3.13 Папа. Светлана Филатова

Я познакомилась с папой (дядей Герой - тогда я его так называла) в 1976 году, мы с мамой жили тогда вдвоем на ул. Удальцова 55, в однокомнатной квартире в «хрущевке». Мне было 12 лет. Самое первое воспоминание от знакомства с ним — это его необычный подарок. Он подарил мне суслика! Я назвала его Тюля, и он стал жить у нас. Тюля жил на балконе, внезапно, когда похолодало на улице, он вдруг не проснулся утром и весь похолодел. Я решила, что Тюля умирает, но дядя Гера пришел и сказал, что суслик впадает в спячку.

После совместной поездки на Валдай в феврале 1977 года мама и

дядя Гера виделись практически каждый день... А 20 мая мама пришла домой очень радостная в новом голубом платье и сказала, что они поженились, и мы теперь будем жить в другом месте. Так мы переехали в дом 99 корп. 1 на проспекте Вернадского, где у дяди Геры и его мамы, Нины Александровны, была кооперативная трехкомнатная квартира. Квартира была небольшая, но мне она показалась огромной и, главное, у меня появилась своя отдельная комната. А в ноябре 1977 года родился мой братик Митюша (так мы его называли в семье), и я стала называть дядю Геру папой. Меня всегда поражало, как много он всего записывал. Он постоянно писал какие-то научные статьи, записывал все названия понравившихся ему книг, статей, научных фактов; вел дневник, куда заносил изречения известных людей, факты своей жизни (например, записывал, сколько он выпил алкоголя, который он практически не пил, сколько прошел каждый день километров...). Также они с мамой записывали все, что касалось Митюшки (вес, рост, изменения в развитии и т.д.). У папы было огромное количество книг, они занимали очень много места, почти все стены в квартире были заняты книгами. Когда появился Митя, мама сказала, что от части книг придется избавиться, так как ребенку вредно дышать книжной пылью. И папа унес часть книг в институт. Папа тогда как раз начал ездить во Вьетнам. Кроме того, было много других экспедиций. Все летние месяцы он проводил в экспедициях. Я тоже тогда хотела стать биологом, собиралась поступать на биофак МГУ, посещала биологический кружок во Дворце пионеров на Воробьевых горах. Но потом мы с папой обсудили, что полевой работой я заниматься не смогу по состоянию здоровья, а сидеть в лаборатории я не хотела. Так я утвердилась в своем желании стать врачом. Поступить в медицинский институт было сложно, а я еще много пропускала занятий в школе из-за болезни, и папа очень помог мне с поступлением в институт. Оказалось, что его друг Мамонтов Сергей Григорьевич - научный сотрудник лаборатории при 2-м Медицинском институте (сейчас он доктор медицинских наук, профессор, Член-корреспондент Российской Академии Естественных Наук). Сергей Григорьевич помог найти мне очень хорошего репетитора по биологии, благодаря которому я и поступила в медицинский институт.

Мама с папой были очень счастливы вместе, про них можно смело сказать, жили «душа в душу». Они с радостью принимали гостей, мама всегда мгновенно находила, чем их угостить, даже, когда они приходили без предупреждения. Папа всегда приглашал домой друзей, коллег с работы, часто у нас были его коллеги из Вьетнама, Литвы. Он со всеми умел найти общий язык, был очень искренним и открытым человеком. Всегда продумывал небольшую программу развлечения для гостей

(слайды, фотографии, музыка). Я очень любила слушать их разговоры об экспедициях, поездках, необычных встречах... Часто папа привозил из экспедиций различных животных. У меня в комнате жила соня - маленький зверек, размером с мышку, с пушистым, как у белки, хвостом. Еще помню попугаев, они были очень громкими, и родители их кому-то отдали. Однажды Митя попросил змею, и папа привез змею (по-моему, это был уж), которая тоже жила у нас какое-то время.

Когда я училась в 10-м классе, папа дал мне целую кучу разрезанной миллиметровой бумаги и попросил помочь ему. На этих листочках миллиметровой бумаги были нарисованы карандашом различные неправильной формы фигуры. Надо было подсчитать количество маленьких клеточек (миллиметровых) в каждой фигуре и надписать их количество на ней. Оказалось, что это количество обглоданных лосями деревьев на различных ареалах. Я брала эти листочки в школу, и на переменах подсчитывала эти квадратики.

Папа тогда писал книгу по суточным ритмам активности млекопитающих. Я рано вышла замуж, и мы стали жить отдельно от родителей. Но папа и мама всегда были центром нашей семьи, много времени уделяли внукам. Интересно то, что мама в 70 лет стала тоже биологом, она с папой стала ездить в экспедиции во Вьетнам. И вот, что меня поразило! Мама всегда очень боялась мышей и крыс, а во Вьетнаме с интересом изучала их и брала их в руки, рассказывала о них с таким восхищением! А я улыбалась, слушая ее рассказы, и говорила: «Вот что любовь с людьми делает!».

Наша жизнь разделилась на до и после внезапно! В ноябре 2014 года у папы произошел инсульт. Они с мамой писали очередную статью, это было на даче, в Кратово, волновались, торопились, папа поднялся на второй этаж за какой-то книжкой и упал там. И начался совсем другой период жизни! Период борьбы с болезнью и тяжелого восстановления. Папа последние 7 лет жизни практически не выходил из дома. Очень ждал поездку в Ижевское, мы возили его туда 2 раза (один раз с мамой, второй - уже без нее).

У папы появились проблемы с памятью, но он помнил все, что касалось науки, я его спрашивала названия птиц, животных, он помнил все.

До последнего интересовался научными проблемами, которые изучались его коллегами. Мы заходили на сайт института, где папа работал, и смотрели, какие экспедиции организуются, я читала ему названия диссертаций, которые защищают в институте, он с большим интересом слушал.

Свой интерес и свою любовь к природе и животному миру он сумел передать нам - детям и внукам!

3.14 В кругу семьи

С Митей. 1983-84 год

С Митей. 1987-88 год (Куришская коса?)

У входа в Третьяковскую галерею с семьей дочери Светланы (Герман Васильевич, Татьяна Николаевна, внук Степан, Светлана, внуки Полина, Николай и Татьяна, муж Светланы - Александр). 2003 год

Ижевское

2008 год, Кратово

Всегда вместе. 2013 год

С Людмилой – сестрой Татьяны Николаевны. 2012 год

На крестинах внучки Евдокии, старшей дочери Мити (Настя с Дуняшей, крестные: Олег с Натальей, Татьяна Александровна мама Насти, Татьяна Николаевна и Герман Васильевич). 2012 год

*С детьми Митей и Светой, внуком Степаном и Настей (женой Мити).
2011 год*

На дне рождения внука Степана. (Верхний ряд: дочка Света с мужем Александром, внук Николай с супругой Анной, крестная Степана – Света, внучка Полина. Нижний ряд: Татьяна Николаевна и Герман Васильевич, Степан, родители Александра – Александр Александрович и Лидия Николаевна и внучка Татьяна). 2011 год

На даче в Кратово. 2012 год

После инсульта на даче в Кратово

Для заметок

**О Германе Васильевиче Кузнецове.
Закон моей жизни — стремление
к лучшему и прекрасному**

Подписано в печать 19.05.2025. Формат 70х100 1/16.

Гарнитура Minion. Печ. л. 9.

Тираж ____ экз. Заказ № ____.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117041, г. Москва, вн.тер.г.

Муниципальный Округ Южное Бутово,

ул. Адмирала Руднева, д. 4, помещ. 13/6

Тел.: +7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com